

№ 58

Январь 1963 год

ГОД ИЗДАНИЯ 12-Й

ВОЕННАЯ СЛУЖБА

LE PASSÉ MILITAIRE

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ - КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ

Редакция журнала «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» с глубокой скорбью, извещает о кончине своего дорогого сотрудника полковника 3 уланского Смоленского Императора Александра III полка

Павла Степановича Бассен-Шпиллер

последовавшей в Германии 1 декабря 1962 года.
Панихида была отслужена у Кадетской Лампады в Париже.

СОДЕРЖАНИЕ:

	45
Памяти П. С. Бассен-Шпиллер — Алексей Геринг	1
Почти забытые были — В. М. Федоровский	2
Навигацкая Школа — Леонид Павлов	6
Павловцы в Великую Войну. 1916 г. — А. Редькин	10
Королева Вюртембергская Ольга Николаевна — А. Рябинин	13
Полковая Песня 3 гусар. Елисаветградского полка	18
На войне — Г. Танутров (Жук)	18
Из жини Кавалергардов — В. Н. Звегинцов	27
Суворовский кадетский корпус — Сергей Двигубский	28
Значение и развитие Тяжелой Артиллерии в Российской Императорской армии — П. Н. Чижов	30
Письмо в Редакцию — Полк. И. Рубец	41
Забытые отличия — С. Андоленко	42
Колбаса — А. фон-Корвин-Вирзбицкий	43
Еще о русских военных оркестрах и маршах — Г. Гринев	44
Хроника «ВОЕННОЙ БЫЛИ»	45
Материалы к библиографии русской военной печати за рубежом — Алексей Геринг (продолжение)	47

Изменение правил подписки:

Подписка принимается на **ШЕСТЬ** номеров, начиная с № 58 по 63 включ. Подписная цена: зона франка — 15 фр., зона фунта — 25 шилл., зона доллара — 4 ам. дол. 50 ц. на **ШЕСТЬ** номеров. Почтовый счет во Франции: «Le Passé Militaire» 3910-12 Paris.

Всю переписку по издательству направлять по адресу Редакции:
61, rue Chardon-Lagache, Paris 16.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ — 61, rue Chardon-Lagache Paris (16) MIR 72-55

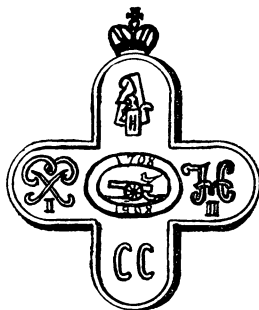
12-й год издания

№ 58 январь 1963 г.

BIMESTRIEL. Prix — 2,50 N

РЕДАКЦИЯ ПОЗДРАВЛЯЕТ СВОИХ ДОРОГИХ СОТРУДНИКОВ,
ПОДПИСЧИКОВ, ЧИТАТЕЛЕЙ И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ С НОВЫМ ГОДОМ.

ПАМЯТИ ПАВЛА СТЕПАНОВИЧА БАССЕН-ШПИЛЛЕР

1 декабря 1962 года, в Западной Германии, скоропостижно скончался наш дорогой сотрудник полковник 3 уланского Смоленского Императора Александра III полка Павел Степанович Бассен-Шпиллер.

По окончании в 1918 году, Елисеватградского кавалерийского училища, он вышел в Смоленский уланский полк, с которым и провел всю Великую войну, к концу которой он уже командовал эскадрой этого доблестного полка. За конную атаку у дер. Добрич, в Болгарии, он был награжден Георгиевским Оружием.

Последние годы своей жизни, проживая в

Германии, покойный посвятил военно-исторической работе, сотрудничая постоянно в нашем журнале и готовя материалы к боевой истории Смоленского уланского полка. Внезапная смерть, к великому сожалению, прервала этот незаконченный труд. В последнем номере «Были» была помещена его статья «Кавалерийский завтрак» и в портфеле редакции есть еще материалы, принадлежащие его талантливому перу.

Да будет легка тебе чужая земля, дорогой и верный друг!

Алексей ГЕРИНГ

Почти забытые были

(Правда о Сарыкамьшской операции)

Неправде — грозной правды глас;
Заслуге — воздаянье;
Спокойствие — в последний час;
При гробе — упование.

В. А. Жуковский.

Славные военные традиции, которыми отличались наши кавказские войска, руководили ими со времени полу-легендарной эпохи покорения Кавказа вплоть до революции 1917 года, которая насильственно смела все вековые устои. От предков, бившихся с персами, турками и фанатичными мюридами Шамиля, подстрекаемыми помощью, длинная рука которой уже тогда, тянулась от туманных берегов коварного Альбиона, эти традиции, бережно хранимые, были донесены до времени 1-ой Мировой войны и блюлись свято всеми частями кавказских войск, где бы они ни были. Особенно ярко они выявились на кавказском фронте, где геройский дух кавказской армии проявился в целом ряде блестящих операций, выполненных при необычайно тяжелых условиях.

С тех пор прошло уже почти полвека. На жизненную сцену вышли другие поколения. Новое время выдвигает новых людей и им не нужны старые герои, а полу-забытые были им кажутся легендами. Но наш долг, долг уходящего поколения, передать будущим историкам те сведения о событиях прошлого, которые в правдивом виде должны стать достоянием истории. Эти то соображения и заставили написать настоящую статью об одной из блестящих операций наших войск в Малой Азии. Недавно в руки автора этой статьи попал архив героя Сарыкамьша генерала-от-инфантерии Георгия Эдуардовича Берхмана, бывш. командира 1-го Кавказского армейского корпуса и Сарыкамьшского отряда во время операции 12-24 декабря (ст. ст.) 1914 года.

Этот архив, содержащий сотни документов, был прислан мне дочерью покойного генерала с просьбой привести его в порядок и передать на хранение в надежное место (имеется ли только таковое в наш «прогрессивный» век?!).

Пользуясь тем, что было написано самим генералом Берхманом и основано на документальных данных, я постараюсь, по возможности кратко, напомнить о доблестных подвигах наших войск в этой операции.

Война с Турцией началась 18-го октября 1914 года. Главнокомандующим кавказским фронтом был назначен старый кавказец —

генерал-адъютант генерал-от-кавалерии граф И. И. Воронцов-Дашков, его помощником — генерал-от-инфантерии Мышлаевский, бывший начальник Генерального Штаба и заслуженный профессор академии генерального штаба; начальником штаба армии — генерал-лейтенант Н. Н. Юденич.

Кавказский фронт, за исключением Батумской области, делился на две части: первая — с операционным направлением на Эрзерум-Александрополь, Кагызман, Карс, Сарыкамьш, Ольты занимала войска, подчиненные генералу Берхману.

Генерал Г. Э. Берхман, старый кавказец, любимый и почитаемый всеми товарищами и подчиненными, принадлежал к славной военной семье, служившей на Кавказе в течение трех поколений. Его прадед был адъютантом Суворова, дед пришел на Кавказ вместе с ген. Ермоловым и командовал Апшеронским полком, отец был батальонным командиром этого полка и участником завоевания Кавказа и борьбы с Шамилем, командуя впоследствии войсками Дагестанского округа. Сам ген. Г. Э. Берхман, будучи коренным офицером Генерального Штаба, тем не менее провел почти всю свою службу на Кавказе и, командуя своим родным Апшеронским полком, отпраздновал с этим славным полком его 200-летний юбилей.

Левая часть фронта — к Персидской границе — была занята войсками генерала Огановского.

Правая группа, силою около 45 батальонов и 20 сотен с артиллерией, распределилась следующим образом: у Сарыкамьша 25 батальонов, в Ольтах 8 батальонов, в Карсе 5 батальонов и в Кагызмане 5 батальонов. Общее наступление войск, по кавказской традиции, началось немедленно по объявлении войны. Имея в своем командовании все войска своего района, ген. Берхман лично руководил операцией Сарыкамьшского отряда, который с большой энергией пошел вперед и вскоре достиг Керпикей. Здесь пришлось задержаться, так как положение было осложнено бездорожьем и вопросом о продовольствии. Турки стали быстро накапливаться и слабому численностью Сарыкамьшскому отряду идти вперед было трудно. Притом Главнокомандующий указал ген. Берхману, впредь до особого приказа, в наступление не пореходить. Сохраняя за собой захваченную территорию и удерживая свои

Генерал-от-инфантерии Георгий Эдуардович БЕРХМАН

позиции, Сарыкамышский отряд в течение ноября находился в упорных боях с сильным противником, который назойливо атаковал тот или иной участок и иногда переходил в общую атаку на всем фронте. За этот период войска Сарыкамышской группы были усилены двумя пластунскими казачьими бригадами и 6-ю батальонами 11-го Туркестанского корпуса.

Главными начальниками войск были: генералы: Баратов, Де-Витт, Пржевальский, Гулыга, Чаплыгин и Калинин. Ольтинский отряд находился под командой ген. Истомина и также успешно продвинулся в пределы Турции, где, в эту пору, упорно дрался на позициях у сел. Ида, прикрывая дорогу на Ольты. Такое положение сохранялось до начала декабря, когда турки, накопившие большие силы — больше трех корпусов (IX, X, XI), пользуясь крайне пересеченной гористой местностью, предприняли весьма искусный маневр. Закрывшись в крепкой позиции на фронте войсками Эрзерумской крепости, турки бросили два корпуса на Ольтинское направление против ген. Исто-

мина и успешно потеснили его. Ген. Истомин, не выяснив, впрочем, вполне сил противника, донес ген. Берхману о наступлении турок 8-го декабря, и тогда, в помощь ему, была двинута Туркестанская стрелковая бригада, но, вследствие глущеского снега и крайне пересеченной местности, стрелки не могли пробиться к сел. Ида и к ночи 9-го декабря были принуждены возвратиться обратно. Тогда ген. Берхман решил всеми своими силами атаковать турок на их фронте, впереди сел. Керпикей и, разбив их здесь, бросить часть войск в тыл наступающим на ген. Истомина.

10-го декабря в полдень началось общее энергичное наступление и к ночи обнаружился большой успех, причем один Бакинский полк, взял 900 пленных. 11-го декабря бой разгорелся с новой силой и в эту пору в ставку ген. Берхмана в сел. Меджингерт прибыл помощник Главнокомандующего в сопровождении большой свиты. Именем Главнокомандующего ген. Мышлаевский лично вступил в командование войсками Сарыкамышского отряда, при-

чем объявил свой приказ № 1-й, которым разделил войска на две части: ген. Берхман был назначен командиром 1-го Кавказского армейского корпуса, часть коего, в соединении с Туркестанцами, образовала Сводный корпус под командой только что прибывшего в свите ген. Юденича.

Ген. Берхман, как старший из всех, был назначен заместителем ген. Мышлаевского и ему было поручено продолжать начатый бой, сам же ген. Мышлаевский со свитой уехал в Сарыкамыш, избранный им для своей ставки. Там ген. Мышлаевский узнал, что турки, следуя ген. Истомина на север, большими силами двигаются прямо на Сарыкамыш, где в то время для караульной и этапной службы находились наши тыловые части. Телеграммой от 12-го декабря к ген. Берхману ген. Мышлаевский приказал остановить бой и войскам отойти на свои исходные позиции. Разгадав намерение турок, ген. Берхман немедленно двинул из своего резерва в Сарыкамыш два полка: Кубанский пехотный и Запорожский казачий с артиллерией и начал готовить новую, вытекавшую из обстановки, операцию.

13-го декабря ген. Мышлаевский возвратился к ген. Берхману и оставался весь день 14-го декабря, причем, непрерывно беседуя по телефону с Сарыкамышем, старался определить положение, которое все ухудшалось, так как к ночи было выяснено, что пять турецких дивизий (IX-го и X-го корпусов), лично предводимые молодым и энергичным Энвер-Пашой, подходят к Сарыкамышу и уже отрезали железную дорогу на Карс.

15-го декабря, рано утром, ген. Мышлаевский, «озабочиваясь болезнью и трудами Главнокомандующего» (который уже был болен с начала войны и не покидал постели), оставил отряд и окольной дорогой, вместе со своим начальником штаба ген. Болховитиновым, выехал на Кагызман и далее через Александрополь в Тифлис. Покинув отряд, ген. Мышлаевский в собственноручном предписании с пути 16-го декабря за № 51, приказал генералу Берхману принять командование всеми войсками. Таким образом, ген. Берхман попрежнему стал начальником Сарыкамышского отряда. Еще до получения этого приказа, в тот же час, когда ген. Мышлаевский оставил Меджингерт, ген. Берхман, ввиду крайне тяжелого, даже критического положения отряда и согласно «Полевого Устава» самочинно вступил в командование и всем начальникам колонн (генералам: Юденичу, Баратову, Де Витт) послал телефонограммы, указав, что ген. Мышлаевский удалился и что он — ген. Берхман — вступил в командование Сарыкамышским отрядом, донеся об этом тогда же Главнокомандующему.

С этой минуты ген. Берхман был единственным, полномочным, законным, властным и ответственным распорядителем судьбы отряда. Начальником штаба ген. Берхмана состоял полк. Ласточкин.

Ген. Берхман поставил себе задачей, прикрываясь на фронте самыми необходимыми войсками, все силы двигать на Сарыкамыш. Во исполнение этого плана для сохранения своей растянутой позиции и для укорочения пути подвозов от Сарыкамыша на фронт, ген. Берхман приказал всем войскам отойти на позиции к Меджингерту, причем образовал три аррьергарда: правый — ген. Юденича, средний ген. Де Витта и левый — ген. Баратова.

Сарыкамышскую группу наших войск, которая во все последующие дни, с каждым часом, нарастала в силах, ген. Берхман с 15-го декабря, по прибытии туда 1-ой Пластунской бригады, вверил ген. Пржевальскому.

18-го декабря вечером ген. Берхман со своим штабом прибыл в Сарыкамыш и здесь, в течение пяти суток, руководил всеми колоннами и группами войск и, ведя их к определенной цели, оставался под непрерывным артиллерийским огнем турок. 19-го декабря ген. Берхман создал окончательный план операции, заключавшийся в том, чтобы, удерживаясь на своих аррьергардных позициях, обойти левый фланг турок и бросить им в тыл конницу и пластунов ген. Баратова. В развитие этого плана, он приказал ген. Юденичу объединить командование первым — его и средним ген. де Витта аррьергардами, ген. Баратову форсированно и энергично двинуться в обход; коменданту Карской крепости было приказано выслать из состава гарнизона возможные силы, которым двигаться вдоль полотна железной дороги в тыл туркам и на усиление колонны ген. Баратова. Ген. Пржевальскому было приказано энергично атаковать Бардусский перевал (у Верхн. Сарыкамыша), где еще с 12-го декабря шел непрерывный упорный бой; сюда подошли первые силы турок и их встретили наши войска под командой полк. Букретова. 20-го декабря Бардусский перевал был взят и в то же время обнаружился успех обходной колонны ген. Баратова. 21-го декабря наше наступление развивалось и повело к бегству Энвер-Паши, а за ним началось спешное отступление X-го турецкого корпуса. К вечеру 22-го декабря наше охватывающее неприятеля кольцо еще более сузилось, и к вечеру IX-ый турецкий корпус в полном составе со своим командиром, пашами, пушками, оружием, обозами и всей материальной частью отдался в плен. В донесениях ген. Берхмана особенно выделялись Бакинский и Дербентский полки, захватившие большие трофеи. Этой бригадой командовал тогда полков-

ник Ф. М. Волошин-Петриченко, доблестный командир Кубинского пех. полка.

Так победоносно была закончена беспримерная по доблести войск операция, проведенная в течение многих дней на высотах гор (7-8000 фут), среди суровой зимы и глубокого снега, при трескучих 30-тиградусных морозах, причем войска часто оставались без пищи из-за невозможности доставить ее бойцам на их позиции. Отряд торжествовал победу. Еще за несколько дней до этой победы Кавказ замер в страхе, уверенный в неизбежной гибели отряда и вслед затем появления турок внутри страны. Это ожидание нашествия врага возбудило в населении Тифлиса ужас, быстро перешедший в полную панику. Все, что только могло, побежало на север, за Кавказский хребет, переполняя поезда и запрудив Военно-Грузинскую дорогу. В этот грозный момент внимание всей России, да и наших союзников, было устремлено в эту роковую точку, где решалась судьба Кавказа и где успех противника мог резко изменить обстановку войны. Эта победа уничтожила первую мощную турецкую армию и в дальнейшем открыла широкий путь нашему успешному завоеванию всей Турецкой Армии.

23-го декабря, ответной телеграммой Главнокомандующего на победный привет отряда, ген. Берхман, без объяснения причин, был отстранен от командования и заменен ген. Юденичем. Правда, по представлению графа Воронцова-Дашкова ген. Берхман был награжден высокой, но очередной наградой — св. Александра Невского 1-ой ст. с мечами, тогда как его ближайшие сподвижники получили ордена Св. Георгия!

С тех пор Главнокомандующий в своих донесениях никогда и нигде не упоминал имени ген. Берхмана и даже объявил приказ по Кавказской армии, в котором, игнорируя действительного победителя турок, выставил других генералов, которые были его подчиненными и лишь исполняли его приказания. Надо указать опять, что граф Воронцов-Дашков был в эту пору настолько болен и немощен, что лично заниматься делом не мог и, таким образом, благодаря каким-то закулисным влияниям, была совершена редкая несправедливость. Об этом ген. Баратов писал в своей статье «Памяти ген. Берхмана» («Возрождение» от 5 января 1929 г. № 1403) следующее: «Легко себе представить, что должен был переживать в глубине своей души генерал Берхман после так неожиданно грянувшего на него удара грома. Зная сердечную доброту и благородство графа И. И. Воронцова-Дашкова, нельзя было допустить мысли, чтобы это решение могло быть принятым

без какого-то сильнейшего влияния на него со стороны. С этой минуты начались мучения и терзания ген. Берхмана. Близко знавшие его и его друзья боялись, что он не вынесет этого удара и или сам покончит с собою или умрет от разрыва сердца. Но ген. Берхман, будучи глубоко верующим христианином, нашел в себе силы остаться жить и добиться справедливости путем особого расследования. Долго все настойчивые просьбы о назначении суда оставались тщетными. И только через полтора года его пламенное стремление восстановить свое имя, наконец, исполнилось. После самого обстоятельного и всестороннего расследования дела генерала Берхмана, по Высочайшему повелению, бывшим начальником Генерального Штаба генералом Палицыным последовал нижеследующий приказ от 26-го июля 1916 года: «Государь Император, в 21-ый день июля, всемилостивейше соизволил пожаловать орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4 ст. генералу-от-инфантерии Берхману за то, что, состоя начальником Сарыкамышской группы войск и получив весьма трудную и сложную задачу остановить натиск турок на Карском направлении, исполнил эту задачу блестяще, проявив твердую решимость, личное мужество, спокойствие, хладнокровие и искусство вождения войск, причем результатом всех распоряжений и мероприятий генерал-от-инфантерии Берхмана была обеспечена полная победа под городом Сарыкамышем».

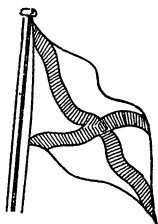
Этот Приказ, наконец, пресек безобразную интригу, благодаря которой, имя генерала Берхмана, действительного победителя турок под Сарыкамышем, на полтора года после этой победы, было изъято из официальных реляций. Его имя никогда и нигде не упоминалось в связи с этой операцией и было как-бы стерто со страниц истории. На его место был выдвинут генерал Юденич, блестящий полководец и герой последующих операций на Кавказском фронте но, в рассматриваемой операции, бывший лишь подчиненным генерала Берхмана.

После Высочайшего Приказа, генерал Берхман принял корпус на Румынском фронте, которым доблестно и прокомандовал вплоть до революции.

Этот Высочайший Приказ поставил имя генерала Берхмана на подобающее ему место. Последовавшие крупные военные события и надвинувшаяся революция как-то заслонили этот факт и, уже в эмиграции, некоторые военные писатели все еще продолжали подставлять имена других лиц на место настоящего победителя под Сарыкамышем генерала Г. Э. Берхмана.

В. М. Федоровский

«Навигацкая школа»

«От славного Петрова
Мы века поведем,
Впервые флот здоровый
Построен был при нем».

(Из кадетской былины о
Морском Корпусе).

В глубокую, седую древность уходит связь русского человека с морем. Вот великий водный путь «из Варяги в Греки» — из Варяжского моря (Балтийского), в Понт Эвксинский (Черное море). Наши предки славяне, населявшие российские просторы, с незапамятных времен вели торговлю этим путем со всем тогдашним внешним миром.

Киевская Русь не раз на быстроходных стругах пересекала Черное море и громила Царьград. Походы Аскольда и Дира, Вещего Олега, Святослава и Ярослава. Русь любит море и море любит Русь.

«Се идут Русь бецисла корабль... Приплу Русь на Консаттиньград лодиами тысящ десять»..., записывает византийский летописец Гергия Амортола в IX веке.

Господин Великий Новгород пронес славу о себе по всему северу, основав по берегу Балтийского моря города Юрьев (Дерпт), Колывань (Ревель), Волын (Ригу), Рудодив (Нарва) и др. В 14 и 15 веках, шведы оттеснили новгородцев от берегов Балтийского моря и Ладожского озера, и тогда лишь эти города получили современные имена.

Характерно признание британского морского историка XIX столетия Джен, который в своей книге — «Государственный флот России, его прошлое, настоящее и будущее», пишет:

«Существует распространенное мнение, что русский флот основан сравнительно недавно Петром Великим. Однако в действительности он по праву может считаться более древним, чем британский флот. За сто лет до того, как Альфред построил первые британские корабли, русские участвовали в ожесточенных морских сражениях и тысячу лет назад именно русские были наиболее передовыми моряками своего времени».

Под обрушившейся лавиной монгольского нашествия погибла Киевская Русь. Непроглядная, дикая, трехвековая ночь нависла над российскими просторами. А когда стало создаваться вокруг Москвы новое государство, оно оказалось отрезанным от всех морей, кроме холодного, замерзающего, далекого Белого моря. О море говорили только в сказках. И лишь при

царе Иване Васильевиче Грозном были сделаны в государственном масштабе попытки расширить границы и пробиться к морям. Достигли частичных результатов — «взятие Казани и Астрахани плен».

Но искра неукротимого стремления к свободному морю тлела под пеплом татарского пожара. Маленький царевич Петр, играя с ботиком, который он нашел в сарае села Измайловского, скоро проникся любовью и стремлением к морскому делу, а пришедший к власти самодержец царь Петр понял, что без моря, без морских путей, непосредственно связывающих страну с внешним миром, не будет ни независимости, ни балгосостояния, ни мощи Российского государства. Первые неудачи Петра убедили его в необходимости скорейшего создания флота. Для постройки кораблей нужны были люди с техническими и ремесленными знаниями, а для управления флотом опытный и знающий личный состав. Ничего этого у Царя на первых порах не было, и он приглашает иноземных специалистов, а сам едет в Голландию и изучает кораблестроение и кораблевождение. В лице некоторых приглашенных иностранцев Петр нашел добросовестных и полезных сотрудников, но часть из них были просто авантюристы и искатели приключений. История часто упрекает Петра в чрезмерном увлечении всем иноземным. Но это не совсем так. Обстоятельства принуждали его пользоваться временно услугами иностранцев, но доверия, за редким исключением, он к ним не питал. Помнил прошлое и сам все это испытывал в боевых неудачах. Помнил, как еще при его отце царе Тишайшем, 25-го мая 1668 года, на реке Оке был построен первый государственный военный корабль «Орел». Этот корабль надо считать первым русским военным кораблем. Его экипаж состоял из 20 матросов голландцев и 35-ти русских стрельцов. Корабль был трехмачтовый, длина 80 футов, ширина 21 фут и вооружен 22-мя орудиями. «Орел» был спущен по Волге к Астрахани, охраняя караван торговых судов. Под Астраханью «гулял» Стенька Разин с своей вольницей. Стенька напал на караван, быстро и смело разыграл морское сражение, голландцы позорно бежали. «Орел» был сожжен, а трупы перебитых стрельцов поплыли вниз по матушке по Волге.

В 1696 году начинаются первые посылки русских стольников за границу для изучения кораблестроения и навигационного искусства. Всего было послано в Англию, Голландию, Венецию и Рагузу около 70 человек. Посылались

молодые и среднего возраста отпрыски знатных и богатых семейств, т. к. они должны были нести значительную часть расходов по содержанию и обучению. Казна была почти пуста в то время. За ними, весной 1697-го года, отправляется сам Петр в Англию и Голландию и с собой берет 30 молодых людей. Царь вернулся мастером морского дела, и бывшие с ним, под его наблюдением, добросовестно закончили свое обучение. Хуже дело обстояло с отдельными группами учеников вне умелого руководства и строгого контроля. Молодые люди увлеклись заграничной жизнью, имея деньги, вращались в высшем обществе, изучали больше светские манеры и танцы, чем морские науки и поэтому неудивительно, что вернувшись в 1699-м году домой, на строгом царском экзамене, кроме четырех, все провалились. Царь производил «экзерцицию к великому удовольствию Его Величества и всех бояр» на корабле в Воронеже. Лентяи были отданы в «матрозы и солдаты», многие биты, а несколько человек оказались «негодными по дряхлости».

Петр понял, что нужно в корне изменить вопрос обучения. Приходилось начинать с медленной и тщательной подготовки, начинать с азов. Стольники за границей, не имея основных «цыферных», знаний и не зная языков, не могли за короткий срок охватить и усвоить морские науки. Была нужна своя, русская, школа.

Будучи в Англии, Петр I-й нанял на службу в России профессора Абердинского университета Андрея Фарварсона, знатока морских наук. Фарварсон прибыл в Россию осенью 1699 года, и с ним прибыли два его помощника, Степан Гзын и Ричард Грейс. Царь почему-то медлил с задуманным открытием школы и, лишь вкусив горечь поражения под Нарвой (19-го ноября 1700 года), решительно вступает на путь реформ и издает указ об основании первой светской школы в России: «Высочайший указ об основании школы математических и навигационных наук, 14-го января 1701 года»:

... «На славу всеславного имени всемудрейшего Бога, и своего Богосодержимаго храбро-премудрейшаго царствования, во избаву же и пользу православнаго христианства быть математических и навигацких, то-есть мореходных хитростно наук учению»... вот основные слова указа.

Первыми наставниками тем же указом назначаются:

«Во учителях же тех наук быть Англинския земли урожденным: математической — Андрею Данилову сыну Фархварсону, навигацкой — Степану Гвыну, да Рыцарю Грызу»...

О первом месте расположения школы говорится:

«а для тех наук определить двор в Кадашеве мастерския палаты, называемой большой

полотняной, и об очистке того двора послать в мастерскую палату¹ постельничему Гавриле Ивановичу Головину свой Великого Государя указ»...

В школу велено было принимать молодых людей от 12-ти до 17-ти лет: «и тех наук ко учению усмотря избирать добровольно хотящих, иных же паче и вопринуждением»...

О содержании учащихся говорится:

«и учинить неимущим во прокормление поденный корм усмотря арифметике или геометрии; ежели кто сыщется отчасти искусным, по пяти алтын в день, а иным же по гривне и меньше»...

В Замоскворечьи, в Кадашеве, школы существовали только пять месяцев, и, по настоянию Фарварсона, 23-го июня 1701 года, Петр I-й отводит для навигацкой школы Сухареву башню со всеми бывшими при ней строениями и землей. Школа расположилась «в пристойном и высоком месте, где можно горизонт видеть, сделать обсерваторию и чертежи в светлых покаях».

По совету дьяка Оружейной Палаты Курбатова, заведывавшего организацией школы, преподавателем был назначен и молодой русский математик Леонтий Филиппович Магницкий. Тот же Курбатов о нем говорит: «сущий христианин, добросовестный человек, в нем же лести не было». Магницкий составил первые русские учебники по арифметике, навигации и морской астрономии, по которым учились первые русские моряки.

Начальный комплект школы был в 200 человек, позже комплект был увеличен до 500 человек. В школе учили арифметике, геометрии, тригонометрии, навигации плоской, навигации меркаторской, сферике, астрономии, математической географии и ведению шканечно-го вахтенного журнала. Несколько учеников изучали геодезию; кроме того, преподавалась еще и «рапирная наука» — фехтование. Дьяк Курбатов утверждает, что в навигацкой школе «учат той науке чиновно, в тех случаях, когда англичане загуляют или, по своему обыкновению, почасту и подолгу проспят, тогда учит Л. Ф. Магницкий, который все время находится в школе и всегда старается не только сообщить ученикам охоту к учению, но и к доброму поведению». Знающими Курбатов считает только Фарварсона, а про Грыза и Гвына говорит: «хотя и навигаторами написаны, но до Леонтия наукой не дошли».

Определенного срока для обучения, экзаменов и выпусков не было. Выпускали из школы «по готовности к делу», по списку, который подавал в Оружейную Палату Фарварсон. Самый короткий срок окончания был 4 года, самый долгий — 11 лет.

Нет точных сведений о форме. Бедным уче-

никам шилось французское платье: кафтан, камзол, брюки, зулки, башмаки и шляпа. Состоятельные ученики одевались на свой счет.

Часть учеников жили в школе, другие, побогаче и семейные, в наемных квартирах. Дисциплина в школе была в духе нравов того времени. За провинности строго наказывали и денежно штрафовали. За неявки, «неты», накладывался денежный штраф. Безнадежных учеников отдавали в солдаты и матросы.

Смотры ученикам производили или генерал-адмирал флота граф Ф. М. Апраксин, или сам царь. Резолюции были: «в солдаты, в артиллерию, послать за море, оставить в учении». Готовые к практике посылались за море — в Голландию, в Англию, а с 1712 года и на корабли в Балтийский флот. Посылку «за море» царь Петр называл: «сие доброе дело». Апраксин же, отправляя навигаторов за море, напоминал, что «без обучения возвращение навигаторам не будет». Плавали на английских и голландских судах, приобретали хорошую практику, учились. Пребывание за границей длилось от 6 до 9 лет. Успешно сдавшие экзамен у царя получали чин подпоручика или поручика, или же зачислялись шкиперами, боцманматами, подштурманами и позже получали офицерские чины.

В 1713 году главная часть Балтийского флота была построена. Галерный (гребной) флот, в составе более 200 судов, вступил в финские шхеры. В 1714 году на галерный флот был посажен десант в 24.000 человек. Корабельный флот, в составе 18 кораблей, под личным командованием царя, находился в Ревеле. Галерным флотом командовал генерал-адмирал граф Апраксин.

29-го июня 1714 года, галеры достигли бухты Ляпвик, где выяснили, что главные силы шведского флота, в составе 28 кораблей, преграждают дальнейший путь на запад на открытом с моря плесе Гангутского полуострова. Апраксин вызвал царя, который приказал рубить просеку через перешеек полуострова в 2 версты шириной и перетащить галеры в обход шведскому корабельному флоту. Шведы сосредоточили свой галерный флот у перешейка и помешали плану Петра. 26 и 27 июля 1714 года настало полное безветрие. Русский галерный флот, на виду заштилевшего шведского флота, обогнул полуостров и напал на шведский галерный флот, который и был разбит на голову. Авангардом руководил сам царь.

Гангутская победа была первой крупной русской морской победой, и в ней приняли участие первые питомцы навигацкой школы. Ликовал Великий Петр, ликовала навигацкая школа, ликовала вся Россия. Окно в Европу было прорублено...

Санкт-Петербург рос. Рос и Балтийский флот. Свежий, животворящий ветер свободных морей вливался в «прорубленное окно», и веками спавшее государство тянулось к новой жизни. Петр понял, что навигацкой школе в далекой от моря и старомодной Москве уже не место. Н в августе 1715 года он приказал перевести навигацкую школу в Санкт-Петербург, поближе к морю, поближе к себе. Однако, соображения экономического характера и отсутствие соответствующего помещения в С.-Петербурге для расквартирования всей школы заставили совершить перевод в новую столицу только высших, специальных классов, учеников Фарварсона, а в Москве остался Магницкий с общеобразовательными классами. Таким образом, в Москве осталась навигацкая школа, а в Санкт-Петербурге образовалась Морская Академия.

Первоначально в Морской Академии приказано было содержать 300 учеников, и, по собственноручному указу Государя от 9 -го сентября 1715 года, велено обучать всем наукам, как и в навигацкой школе, прибавив обучение сружейным приемам, артиллерии, навигации, фортификации, географии, знанию частей корабельного корпуса и такелажа, рисованию и, кто захочет, «танцам для постуры». Морскую Академию разместили в доме Кикина, находившемся на набережной Невы на месте Зимнего Дворца, на углу, обращенном к Адмиралтейству и Главному Штабу. Император Петр Великий желал, чтобы Морская Академия была организована по образцу французских морских училищ и для этой цели, по особой рекомендации, пригласил на службу француза барона Сент-Иллера, назначив его первым директором Академии. Однако, барон надежд не оправдал: занимался больше личными торговыми делами, сочинял проекты и пытался вымогать побольше денег от казны. Терпение царя истощилось, и на одном из таких проектов Петр написал: «Спросить француза, чтобы он подлинно объявил, хочет ли он свое дело делать без хитростных вышеописанных вопросов. И буде будет, чтобы делал, буде нет, то чтобы отдал взятое жалование и убирался из сей земли». Немного позже Сент-Иллер был отпущен, а на его место назначен граф А. А. Матвеев.

Дисциплина и в Морской Академии была очень строгая. Ученики имели ружья, и содержался постоянный караул. При Морской Академии было два офицера из гвардии, два сержанта и несколько дядек. Наказывали за провинности строго.

В 1716 году Император Петр Великий учредил морскую гвардию и звание гардемарина.

Звание гардемарина служило переходом от ученика Морской Академии, не состоявшего на действительной службе, к чину мичмана. Мор-

ская гвардия существовала отдельно, и только в 1752 году гардемарины были включены в число воспитанников Морского Корпуса.

Сохранился так называемый «Экстракт бытности в науках и службе на сухом пути и на море от флота лейтенанта Алексея Нагаева». Вот его начало:

«В 716-м году октября 14 дня по указу явился из недорослей в ст. питербурхе в подрядной канцелярии полковника Кошелева, откуда определен в санктпитербурхскую академию для учения математических наук в том же октябре месяце... и в службу, написан в 716-м году... от роду 13 лет».

Новая страница истории Морского Корпуса была открыта.

Между тем оставшаяся в Москве часть навигацкой школы продолжала существовать и выполнять свое особое назначение соответственно с указом от 1710-го года, который уточнял, что «школа сия потребна не только единому мореходству и инженерству, но и артиллерии и гражданства к пользе». Школа дала России первых собственных техников специалистов, опытных первых русских геодезистов, много потрудившихся по описи России и для современного представления о земном шаре, но особенно исключительной является заслуга школы математических и навигацких наук в деле распространения начального образования в России. Русские историки утверждают: «можно смело сказать, что начальных народных школ, в собственном смысле этого слова, допетровская Русь почти вовсе не знала».

В 1715-м году царь Петр приказал выбрать из школы навигаторов по два ученика, наиболее «добрых и охочих», и послать их в качестве учителей в крупные города. В 1716-м году было открыто первых 12 «цыферных», « навигацких», или «адмиралтейских» школ, а в 1720-22 гг. прибавилось еще 30. Выбирала школа способных учеников и для архитектурного искусства, не забывали и малярного дела.

Русский историк П. Н. Милюков, в статье, посвященной истории русских университетов, на стр. 788 тома XXXIX, пишет:

«Первая мысль об устройстве в России высших учебных заведений для преподавания целого круга светских предметов возникла при Петре Великом, вследствие необходимости иметь собственных техников-специалистов и учителей».

Этим первым высшим учебным заведением, давшим России первых учителей и специалистов, и явилась основанная Петром I-м в 1701 году в Москве школа математических и навигацких наук.

В 1752-м году, Адмиралтейств-Коллегия положила московскую навигацкую школу «пресечь», дворянских детей перевести в Морской Корпус, а детей разночинцев определить в учение в портные мастерские и для комплектования штурманской роты.

Сухарева башня закрывала свои двери.

Замелькал год за годом, накапливались десятилетия, потянулись столетия, одно царствование сменяло другое, нарождались и уходили в прошлое эпохи. Гремели громы побед, залечивались раны поражений, Россия росла, ширилась, стремительно и неудержимо превращалась в молодую и могучую державу. Навигацкая школа неслась с этим потоком, с временами меняя свое лицо, название, быт, нравы, но неизменно следовала заветам своего великого основателя.

Потомки «навигаторов Петра» пронесли Андреевский флаг по полярным морям и по южным, открывали новые острова, берега, проливы и морские пути. В пороховом дыму жесточайших морских сражений они крепили русскую морскую мощь и русские морские границы, которые ревниво берегли. Имена... имена... и имена... адмиралы, ученые, исследователи, государственные деятели, а с ними их дела и жертвы, жизнь и смерть — все для родины, все для России. И все это вставлено в какую-то особую рамку скромности, присущую людям, большую часть жизни проводившим вне земной суеты, на палубах кораблей, в море, где суетность и честолюбие опасны, вредны и просто не нужны.

В 1901-м году Морской Корпус торжественно отпраздновал свое 200-летие. В 1951-м году, за рубежом, скромно было отмечено 250-летие со дня основания Навигацкой Школы. Придя к власти, большевики, эти непревзойденные «Иваны Непомнящие», в своем припадочном стремлении уничтожения всех исторических ценностей бывшей России, срыли Сухареву башню, но памятник нерукотворный, который по себе оставила Сухарева башня, приоткрыв в стенах своих Навигацкую Школу, срыть им не под силу.

9-го марта 1918 года, приказом военно-морского комиссара Л. Троцкого, Морской Корпус был объявлен распущенным.

217 лет имперского служения Морского Корпуса Флоту и России закончились.

Теперь 1959 год. Сорок один год тому назад спущен Андреевский флаг, Императорский

Российский Флот перестал существовать, и, после кровавой и упорной гражданской войны, сравнительно небольшая часть личного состава флота покинула родину. Отдав все, что могли отдать Флоту, Престолу и России, ушли они в далекое, далекое плавание по бурным морям и океанам чужой, часто враждебной и ненужной им жизни. Многие погибли, оставшиеся устали, постарели. Но все они неизменно свято чтут прошлое и верят, что «во избаву же и пользу православного христианства» быть вновь России, а с Россией и Русскому Флоту под Андреевским флагом.

А пока, 6/19 ноября, в день праздника Морского Корпуса, как и каждый год, во всех местах своего рассеяния, соберутся уцелевшие седые «императорские навигаторы» и после молебна святому Павлу Исповеднику, за традиционным жареным гусем, не забыв и «чару зеле-

на вина», в дружеской беседе вспомнят они дела давно минувших дней.

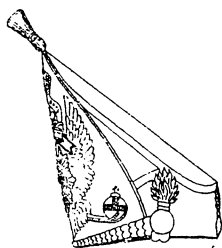
Молча вспомним всех почивших,
Тост второй — за нас учивших,
Кто о долге нам твердил,
Дисциплину, честь развил.
А за прочих выпьем дружно,
Чтобы не были недружны,
Чтоб успех в делах имели,
Чтобы долго не старели,
Чтобы Родину любили,
Ей служить готовы были.
Чтоб Господь послал «шестого»,
В зале Корпуса родного,
Вновь за гусем праздник встретить
И на гимн — ура ответить!

(Из юбилейного госта выпуска
1910 г. из М. К.).

Леонид Павлов

Павловцы в Великую войну

ПЛАЦДАРМ У ЛУЦКА 1916 г.

Переночевав на гвардейском этапе в Луцке, по узкоколейке двинулись к полку. Вагоны маленькие, платформы завалены мешками, ящиками, кулями с мукой и овсом, тюками, узлами, бочками. Сидят на них солдаты, сопровождающие кладь, интендантские чиновники, выздоровевшие солдаты и офицеры возвращающиеся в полки, сестры милосердия в шубках, доктора. Проехали село Полонное. Временами останавливались и сгружали кладь. На последней остановке, около какого-то большого госпиталя, вышли и, сев в присланную повозку, двинулись дальше. Ехал я и капитан Макаревский. Ему, еще в августе 1914 года под Люблиным, пуля пробила плечо и перебила нерв; он долго лечился, пока рука не начала действовать. В Блудове, где стоял наш обоз, тыловая команда, нестроевая, учебная, маршевая рота, оставался и местный помещик граф, фамилию его забыл. Он вместе с женой и двумя дочерьми жил в своей усадьбе. Дом, хотя и одноэтажный, но поместительный, в стены были вделаны мраморные барельефы прекрасной работы. Из дома шел подземный корридор к выходу из

парка. Парк большой, тенистый, а в парке кресты над могилами павших здесь в бою как русских, так и немцев. Над одним из последних была забавная надпись: «нэмец умэр отран». Недалеко от этой могилы еще две рядом, но над ними не кресты, а дощечки со щитом Соломоновым, там погребены два еврея.

Этот граф никуда не двигался и вместе с семьей переживал все наступления и отступления. У него в доме было устроено офицерское собрание.

На другой день поехал в штаб полка у Коротницкого леса, представился командиру полка генерал-майору Шевичу, бывшему стрелку Императорской Фамилии.

Это был удивительный человек: из своей землянки он выползал только для того, чтобы пройти в собрание. На участки батальонов не давал себе труда пойти, не интересуясь боевым участком полка, сидел у себя и пил красное вино, которое предлагал неизменно каждому. Заходившему к нему по делу. Уговорить его подписать ту или другую нужную бумагу стоило адъютанту больших трудов. Через несколько дней после его приезда в полк вслед за ним приехал адъютант того армейского полка, которым он командовал. Бедняга приволок с собой целый чемодан бумаг, неподписанных генералом Шевичем.

Другой особенностью этого командира была страсть рассказывать о жизни и службе в Императорских Стрелках и о способе приготовления какого-то особенного лукового супа. Эти разговоры повторялись ежедневно после ужина и достаточно всем надоели, да и к тому же с его стороны было не деликатно, нося мундир Павловского полка, все время толковать о стрелках.

Счастливым случай прекратил этот фонтан воспоминаний. Как то еще задолго до войны мой шурин, улан Ее Величества Константин Апухтин, рассказал следующую историю.

Командиром Лейб-Улан был назначен Лейб-Гусар Орлов. Получивши полк, он в собрании любил рассказывать о службе в гусарах, как время проводили да что ели и пили. И этими рассказами сильно надоел уланам. Однажды в собрании после ужина Орлов начал спать переворачивать свои воспоминания, тогда поручик кн. Андроников взял стул, поставил его перед командиром полка, сел и обратился к командиру: «Все гусары, да гусары... Одел уланский мундир, будь уланом и умри им».

Гусарские воспоминания после этого прекратились.

— Виноват, Ваше Пресходительство, что перебиваю вас. Вы, наверно, знали покойного командира Лейб-Улан, бывшего гусара генерала Орлова?

— Ну, конечно, знал, — улыбнулся Шевич.

— Ну, а князя Андроникова лейб-улана знаете?

— Да кто же его не знает?

— А знаете ли вы, какой у него разговор был с командиром?

— Нет, не знаю, пожалуйста расскажите.

Я и рассказал. Шевич крикнул и стрелковые воспоминания прекратились. Едва мы вышли из столовой, как на меня набросились полковники Гладкий и Христофоров:

— Ну, зачем ты рассказал эту историю командиру?

— А мне это уже надоело, я и рассказал.

— Да нельзя же так, это не деликатно, он может обидеться.

— А это деликатно? нося Павловский мундир, то и дело говорить о стрелках, а вам он разве не надоел?

— Конечно, надоел.

— Ну, после моего рассказа он больше не будет надоедать.

И верно, воспоминания прекратились.

На участке Пусто - Мыты - Корытницкий лес постоянно стояли сменяясь II-й и III-й батальоны, на левом фланге примыкая к правому флангу Стрелков Императорской Фамилии. Между прочим, стоя рядом плечо о плечо с этим полком, командир ни разу не заехал в свой родной полк.

В месте стыка участки расходились, обтекаемая большой холм, прочно укрепленный немцами с сплошным проволочным заграждением. Окопы батальона в три линии на подъеме этого холма. Дистанция до окопов противника: на самом левом фланге около 250-300 шагов, на правом — 25, здесь немецкие сократы и наши сидели разделенные рогаткой. Слышна была немецкая речь, временами поблескивали каски. Первая линия носила название «Невский проспект», а ход сообщения к блиндажу командира батальона именовался «Аптекарский переулок».

В первой линии были массивные траверсы, хорошие землянки и блиндажи, бруствер был солидной толщины и все впереди него густо заплетено проволокой, бойницы прикрыты броневыми щитами. В общем обе стороны сидели тихо. Против нас сидели егеря и уланская бригада. Обстрел был редкий, разве изредка выпалит немецкая траншейная пушка, снаряд свистнет над окопом и разорвется на противоположном скате, да ночью прострочат короткие очереди пулемета то с одной, то с другой стороны. На самом верху холма стояло что-то вроде громкоговорителя и иногда доносились от него немецкие распоряжения.

Сзади, в лесу, производились работы: валили толстые деревья, распиливали их на доски. Доски шли на обшивку стен землянок и блиндажей.

Мышей развелась тьма и их с ожесточением уничтожали. От них не было покоя ни днем, ни ночью. Увидя их добытыми и раздавленными, вспомнил я ту мышь, которая перебежала нам дорогу, когда мы шли после первого боя.

Тихо и незаметно прошло время до 23-го ноября, дня нашего полкового праздника.

На три дня нас сменили кумовья Финляндцы. Но на этот раз отпраздновали мы не с такой помпой как в Петербурге, хотя все же с достаточным количеством вина, отличным обедом и ужином.

1-го декабря был тихий, зимний вечер, ничего не обещало, что тишина будет нарушена. Как и ежедневно с вечера были высланы секретеры, пошли разведчики. Я лег в своей землянке.

В 12 часов ночи меня разбудила артиллерийская стрельба. Вышел наружу. Ясно светил месяц, а за холмом у немцев стреляли пушки. Снаряды свистя проносились над нами и рвались в расположении стрелков и развалили д. Пусто-Мыты.

По телефону стрелки сообщили, что их обстреливают химическими снарядами и что у них есть уже отравленные газы.

Вместе со мной вышли на открытое место горнист и один из телефонистов.

— Ваше Высокоблагородие, посмотрите ка-

кое это облако? Не то туман идет на нас из Пустомыт...

Ясно видимое облако, колеблемое ветром, переливаясь, двигалось на нас. Переползло лощину и начало обволакивать подошву холма, поднимаясь все выше.

В деревне Пустомыты все время сверкали огни разрывов. Облако увеличивалось.

Было очевидно, что двигался газ, угрожая нам. «Играй тревогу. В роты передать, чтобы одели противогазы, а также в штаб полка».

Резко зазвучал горн, его подхватили в ротах. Газ уже подошел, запахло цветом яблони. Одели противогазы, но в них передавать распоряжения невозможно, играть на горне тоже нельзя, как нельзя говорить по телефону. Сняли маски я, горнист и оба телефониста.

Слава Богу, газ пронесло, и мы только слегка отравились, горели глаза, шипало и першило в горле и хотелось кашлять.

В ротах, благодаря принятым мерам, пострадавших не было, но у Императорских Стрелков, не успевших принять предупредительных мер, были случаи тяжелого отравления. Обстрел прекратился и наступила тишина.

По дороге из Пустомыт появилось какое-то шествие, видны повозки, кухни. Поднявшись к нашему месту, подошел унтер-офицер и доложил, что привел кухни, привез хлеб, консервы, патроны и лазаретное имущество:

— Как же это ты, брат, прошел через Пустомыты?

— А мне, разрешите доложить Вашему высочайшему, стрелки при входе в деревню сказали, что немцы газами стреляют, я остановил подводы, приказал людям одеть противогазы, а лошадям на морды мокрые торбы повесить, а как обстрел прекратился, я пошел через деревню к вам.

А прошел он деревню и лощину, наполненные еще не разошедшимся газом.

Московцы устроили баню, и было огромное удовольствие попариться и помыться в ней, а после улечься в чистые простыни в чистой и теплой землянке.

В этой бане со мной произошел забавный случай: выходя после мытья, чтобы одеться, я в дверях хотел вытереть ноги о тряпку, лежащую на полу, но эта тряпка вцепилась всеми четырьмя лапами мне в ногу. По близорукости, будучи без очков, я спящую кошку принял за тряпку.

В половине декабря II-й и III-й батальоны были перемещены на участок I-го и IV-го, а их на наши места.

Заняли окопы от леса и до деревни Сзинохи, от которой остались лишь трубы да горы мусора. Здесь было много легче: окопы противника отстояли на 1000-5000 шагов, обстрела почти не было. Имел случай видеть, как наш

летчик, идя довольно низко, делал снимки германских окопов, а облачка разрывов германских батарей все время его сопровождали.

И вот что удивительно: ни один из этих снимков, на которых ясно были видны германские батареи, все тыловое расположение немцев, в руки командиров батарей и полков не падали, а ведь они, эти снимки, им-то и были необходимы. Имея эти снимки, командиры батарей знали бы расположение германских батарей, знали бы куда стрелять, а пехотные части, прорвав окопы, не оказывались бы под фланговым огнем немецких батарей.

В окопах, изо дня в день, повторялось одно и то же: подправлялись окопы, чистились бойницы, во второй линии появлялись гвардейские саперы офицеры и нижние чины, принимавшие участие в исправлении окопов, приходили офицеры наших батарей, но ни одного раза не было представителей генерального штаба, я не говорю о штабе корпуса, и даже не знаю, где он был. А вот штаб дивизии мог бы побеспокоиться и пройти по окопам полков нашей дивизии. Они сидели так далеко позади, что артиллерийский огонь до них не достигал. Не знаю, как было в других частях на других участках фронта. Теперь много лет спустя, читая воспоминания участников войны, командиров полков, батальонов, батарей, видно, что этим недугом болело большинство офицеров генерального штаба. Редкие исключения только подтверждали общее правило.

Появилась у нас новинка: ночью раздались громовые разрывы, земля тряслась.

В чем дело? По телефону от одной из рот сообщили, что немцы стреляют минами, от разрыва которых осыпаются траншеи и бруствера. В одной из рот разрывом мины убит часовой, на нем нет ни одной раны, не человек, а мешок с раздробленными костями. Винтовки, стянутые в пирамиде, оказались перегнутыми — такая сила разрыва.

Принесли доннышко мины величиной в сидение венского стула и вес соответствующий. около 5 пудов, принесли и осколок: стальная рельса в 1 1/2 аршина длины. У нас до этого еще не додумались.

Отошли в резерв в село Блудово.

Расположились удобно и хорошо: землянки большие, теплые, чистые. Занялись починкой и чисткой. Чистят штаны, куртки, заколачивают сапожные гвозди в каблуки, чистят винтовки.

Вечерняя зоря теперь всегда с церемонией и музыкой. После зори поют песни.

В собрании, в доме у графа, ужин с водкой и вином. Призванные из запаса Стелецкий и Линдроп на гитарах развлекают общество. Гримм 1-й и Троян все еще вычерчивают планы участка, чтобы в сотый раз представить в

штаб дивизии.

Наконец пришла и наша очередь идти в дивизионный резерв в деревню Скурче, где стоял штаб дивизии. У штаба дивизии отличное помещение, освещено электричеством прожекторной команды, спокойная жизнь. Ну, как из этого рая штабным чинам идти в окопы, когда можно приказать прислать планы окопов с обозначением мест пулеметов, траншейных пушек и ежедневными заметками, что видно у противника. Не житье, а масленица.

Не раз мы серьезно разговаривали со всеми старшими адъютантами и начальниками штаба. А с них, как с гуся вода. Видно, что горбатого могила исправит.

По прилетевшим германским аэропланам наши батареи открыли огонь, и туча пуль и шрапнельных стаканов повалилась с неба на Скурче.

Все забегало, ища укрытия. Обидно пострадать от своих же снарядов.

В начале февраля 1917 года я получил отпуск. Доехал в полковой коляске до Луцка, дальше покатил в поезде.

По телеграмме из полка в Киев коменданту станции были оставлены места в скором поезде, и мы, двое отпускных, покатались в Петербург... навстречу грядущей катастрофе.

А. Редькин

Королева Вюртембергская Ольга

В поле брани, в поле чести
Имя Ольги нам закон.
(Из полковой песни)

Старшая дочь Императора Николая I — Великая Княжна Ольга Николаевна, 1 января 1845 года была назначена шефом 3-го гусарского Елисаветградского полка.

Император Николай I, в своей частной жизни, любил простоту: спал на походной кровати, вместо одеяла накрывался так наз. Николаевской шинелью, за обедом охотнее всего ел щи и кашу. Обе его дочери, Ольга Николаевна, впоследствии шеф нашего полка, и Мария Николаевна, впоследствии шеф Екатеринбургского кирасирского полка, поочередно дежурили за обедом. Дежурная Великая Княжна должна была сидеть рядом с ним и накладывать кушанье на его тарелку.

Великая Княжна Ольга Николаевна была очень красива, как и сестра ее Мария.

Вот что рассказывал нашего полка полковник Арнольди: когда его отец был камер-пажем Императрицы Александры Федоровны, супруги Императора Николая I, Великим Княжнам Ольге и Марии Николаевнам было 16-17 лет. Он всегда говорил, что таких красавиц, каковы были Великие Княжны, редко можно было встретить. Будучи однажды с Императрицей и Великими Княжнами в дворцовой церкви, он так загляделся на них, что не заметил, как Императрица сняла с себя жемчужное ожерелье и, не оборачиваясь, протянула ему. Он

чуть было не упустил его из рук — подхватил уже на лету.

В книге Минцлова «Прошлое» (очерки из жизни Царской семьи) сказано про бывшего шефа нашего полка: стр. 24: «Царская семья была образцово дружная. Любимицей Императора Николая I была Ольга. Она была так хороша собой, что Царь нередко говаривал, что самая красивая девушка в мире — его Ольга».

Стр. 70: «До своего замужества дочь Императора Николая Павловича Ольга была влюблена в князя Барятинского, бывшего впоследствии фельдмаршалом. Однажды на скачках в Высочайшем присутствии он упал с лошади, и Ольге сделалось дурно. Этот обморок послужил причиной аемедленной отправки кн. Барятинского на Кавказ».

Стр. 84: «В церкви Смольного института на стене у правого клироса находилась икона св. Марии Магдалины в голубом хитоне с распущенным волосами. Написана она Брюловым с дочери Императора Николая I Ольги Николаевны».

В полковой церкви нашего полка, в левом киоте, тоже был помещен образ св. Ольги, списанный с Королевы Вюртембергской и подаренный полку бывшим командиром полка ген. Сабуровым; образ был в массивной серебряной вызолоченной ризе.

В нашем полку долго хранилось преданье, что ноты нашего полкового марша будто-бы были написаны прежним шефом полка — отличной музыкантшей. Теперь появилась новая

версия. В 1840 году, вместе с 16-летней Принцессой Гессен-Дармштадтской Марией, невестой Наследника Цесаревича Александра Николаевича, прибыл в Петербург и ее 17-летний брат Принц Александр Гессенский, который по повелению Императора Николая I был зачислен в Кавалергардский Ее Величества полк — ротмистром. На придворных обедах, вечерах, балах, маскарадах, каруселях, охотах и пикниках Принц Гессенский часто встречался с очаровательной Великой Княжной Ольгой Николаевной, влюбился в нее и был бы рад сделать ей предложение, но она относилась к нему безразлично, а Император Николай I явно не сочувствовал этому браку. Тем не менее, 28 февраля 1845 года, по случаю какого-то праздника, Принц Гессенский, тоже отличный музыкант, преподнес Великой Княжне Ольге Николаевне полковой марш собственного сочинения для гусарского Ее имени полка. Ноты были украшены прелестной миниатюрой, изображающей офицера того же полка на коне в парадной форме. Принц Гессенский думал, что Великая Княжна тотчас же попросит его сыграть полковой марш, но она ограничилась тем, что поблагодарила Принца и приказала кому-то отнести ноты в ее комнату. Мало того, в тот же день вечером она спросила его, интересно ли он Кавказской войной и хотели бы принять в ней участие? Пришлось дать утвердительный ответ, и 20 апреля он был командирован на Кавказ, как будто по собственному желанию. Если в хорошо сохранившемся архиве Принца Александра Гессен-Дармштадтского (1823-1888 г.) нашлась бы копия полкового марша, поднесенного им в 1845 году Великой Княжне Ольге Николаевне, то можно было бы сказать безошибочно, он-ли сочинил наш полковой марш или кто-нибудь другой. (Из книги графа Корти).

Спустя несколько месяцев, а именно 6 января 1846 года, Великая Княжна Ольга Николаевна, будучи с Императрицей Александрой Федоровной в Палермо, обручилась там с Наследным Принцем Вюртембергским Карлом, который впоследствии, в 1861 году, был зачислен в списки нашего полка.

В Ольгином Штабе в столовой офицерского собрания находился образ Св. Троицы — подаренный полку в 1858 году Великой Княжной Ольгой Николаевной.

В шкафах с массивными шлифованными стеклами хранилось полковое серебро, хрусталь и также серебряный чайный сервиз в русском стиле: самовар с подносом, чайник, сливочник, сахарница, чашки и ложки на 24 персоны — подарок Императора Николая I Великой Княжне Ольге Николаевне, завещанный ею после ее смерти полку. Дверь из столовой вела в большой зал, обращенный своими окнами

ми в сад. В простенках висели портреты прежних Царей и Цариц, Елисаветы Петровны и Екатерины II. На одной короткой стене висела большая картина боя у сел. Тура, а на другой — бой у деревни Шамон, на обеих картинах — конные атаки Елисаветградских гусар в 1849 году. Во внутренней длинной стене была ниша и в ней небольшая гостиная с мягкой мебелью. Тут же стояла стеклянная витрина с гусарским обмундированием Королевы Вюртембергской — одно времен Императора Николая I, а другое — времен Императора Александра II с ее хлыстиком — рукоятка из слоновой кости с золотыми украшениями представляла собой гусарский кивер, и с принадлежавшим ей миниатюрным портретом Императора Александра II в бронзовой раме; а также в этой витрине находились драгунские мундиры и парадные шапки времен Императора Александра III.

По сторонам витрины были приделаны к стене продолговатые ящики со стеклянными крышками. В одном из них хранилась почетная сабля, пожалованная в 1849 г. Великой Княгиней Ольгой Николаевной командиру шефского эскадрона ротмистру барону Радену за отличие в бою у дер. Шамон; а в другом — красно-зелено-белый шарф с длинными серебряными кистями, снятый бароном Раденом с зарубленного им в том же бою венгерского полковника графа Эрнфельда. В той же гостиной висел портрет Королевы Вюртембергской. На столе перед диваном лежал кожаный альбом с портретами всех офицеров 4-го Конного Королевы Вюртембергской Ольги полка (так назывался 25 драгунский полк с 1864-1871 гг.).

Королева Ольга была также шефом Вюртембургского гренадерского полка. Оба эти полка всегда радушно принимали у себя наши депутаты, приезжавшие к своему шефу в г. Штуттарт.

В 1913 году, когда наш полк находился в Красном Селе, было неожиданно получено от упомянутого гренадерского полка очень любезное послание на ломаном русском языке, которое начиналось словами: «Господинам Офицерам 3 гусарского Великой Княгини Ольги Николаевны полка».

В ответ были посланы Вюртембергским гренадерам: группа офицеров нашего полка в парадной форме, а также снимок, где Великая Княжна Ольга Николаевна проводит свой полк церемониальным маршем в конном строю перед своим отцом Императором Николаем II — 5 августа 1913 года в Новом Петергофе. Надо сказать, что кинооператор фирмы «Братья Пате» сделал удачный снимок — парада и посещение полком «Александрии», где в то время пребывала семья Государя. Эти снимки вошли в состав фильма «Императорская Россия», который уже во время нашей эмиграции показы-

вался в Париже, Нью-Йорке и в других городах Европы. Совершенно случайно попался на глаза председателю нашего полкового Объединения № 357 Берлинского иллюстрированного журнала «Mitropa-Zeitung» за 1929 год. В нем помещена наша полковая группа с Государем Императором и шефом полка, снятая 5 августа 1913 года в Новом Петергофе после парада. Рядом напечатано нелепое объяснение будто это «последний русский царь в кругу своих придворных; около него — Царевич, а на ступенях ворца — Распутин» — на самом деле — наш полковой священник. Председатель полкового Объединения немедленно послал опровержение, которое и напечатано в № 381 того же журнала.

В читальне против входа целая стена была занята портретами Королевы Вюртембергской и разными фотографическими снимками из ее жизни, вплоть до ее погребения, состоявшегося в Штутгарте в 1892 г. Из истории германского 25 драгунского Королевы Вюртембергской Ольги полка, изданной в 1913 году по случаю 100-летнего юбилея того же полка, есть интересные подробности о жизни и смерти преждего нашего Шефа.

Старшая дочь Императора Николая I Великая Княжна Ольга Николаевна родилась 11 сентября 1822 года в С.-Петербурге, в Аничковом дворце. Уже тогда существовали хорошие родственные отношения между Русским двором и Вюртембергским, потому что Вдовствующая Императрица Мария еФдоровна, мать Императора Николая I, была урожденная Принцесса Вюртембергская.

Великая Княжна Ольга Николаевна получила очень хорошее, по тому времени, воспитание и образование, причем не были забыты и изящные искусства; особенную любовь и способность она проявляла к музыке и живописи.

1 января 1845 года, будучи в полном расцвете своей красоты и ума, она была назначена шефом 3 гусарского Елисаветградского полка. Зимой 1845-46 гг. провела вместе со своей матерью в Палермо, где Вюртембергский Наследный Принц Карл сделал ей предложение. 13 июля 1846 года состоялась в Петергофе их свадьба, а 23 сентября того же года — торжественный въезд новобрачных в столицу Вюртембергского Королевства в г. Штутгарт при колокольном звоне, пушечной стрельбе и общем ликовании войск и народа. Молодая Кронпринцесса сидела в открытой коляске рядом с Вюртембергской Королевой и привела всех в восторг своей красотой и приветливостью. Ее муж Кронпринц Карл ехал рядом верхом на коне. Первое время, пока не была закончена постройка особого дворца, молодые жили в одном из флигелей королевского замка, а потом переселились к себе; кроме того, молодые, для

**Ее Императорское Высочество
Великая Княжна Ольга Николаевна.**

летнего пребывания, пользовались загородной, в стиле Ренессанс, виллой, откуда был чудный вид на Штутгарт и его красивые окрестности. В этой вилле в 1857 году состоялось свидание Императора Александра II с Императором Наполеоном III. Молодые часто ездили в С.-Петербург, Лондон и Ниццу, кроме того принимали у себя много гостей и это разнообразило их жизнь, посвященную, главным образом, широкой благотворительности. Великая Княгиня Ольга Николаевна была бездетна, но в 1863 году приютила у себя свою десятилетнюю племянницу Великую Княжну Веру Константиновну, которая полюбила ее как родную мать и заменяла ей дочь.

25 июня 1864 года скончался Вюртембергский Король Вильгельм I и на престол вступил его сын, Наследный Принц Карл. Великая Княгиня Ольга Николаевна стала Королевой и вскоре была назначена шефом двух Вюртем-

бургских полков: одного конного и одного гренадерского.

В 1871 гду исполнилось 25 лет со дня бракосочетания Королевы Вюртембергской, а в 1885 г. — 40 лет со дня ее назначения шефом нашего полка, в 1889 г. исполнилось 25 лет, как Король Карл вступил на престол. В трех случаях для принесения поздравлений были командированы депутации: в первом случае во главе с полк. Винбергом, во втором — с полк. Вонлярлярским и в третьем — с полк. Нордом.

6 октября 1891 года скончался Король Вюртембергский Карл, а 30 октября 1892 года и Королева Ольга. Она умерла 69 лет от роду в замке Фридрихсгофен, на берегу Боденского озера. 2 ноября ее смертные останки были перевезены с подобающими воинскими почестями в Штутгарт и выставлены для поклонения в мраморном зале королевского дворца, а 4 ноября 1892 года погребены в часовне старого замка. При погребении присутствовала депутация от нашего полка с полковником Нордом во главе.

В книге М. Пыляева «Забывтое прошлое окрестностей Петербурга», изд. 1889 г. — помещены интересные сведения: в царствование Императора Николая I. в Петергофе, на Ольгином острове был построен в честь Великой Княгини Ольги Николаевны особый 3-этажный каменный павильон в итальянском стиле, украшенный внутри мозаикой в Помпейском вкусе. Когда Великая Княгиня впервые после своего выхода замуж приехала из Королевства Вюртембергского в Россию, павильон еще не был готов, а потому пришлось временно покрыть внутренние стены холстом, а полы клеенкой. Павильон был закончен в 1847 году. Для просмотра за ним был назначен унтер-офицер гусарского Ее Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Николаевны полка, который в бою с венграми лишился правой руки, защищая свой полковой штандарт.

В 1937 году, в конце января, нашего полка полк. Небо по своим личным делам провел некоторое время в Вюртемберге. Пользуясь этим, наш председатель полкового Объединения просил его побывать в Штутгарте в усыпальнице Королевы Вюртембергской Ольги, а потом в г. Людвигсбурге навестить генерала фон Глейха, бывшего командира германского 25 драгунского Королевы Ольги полка, с которым наш полк до войны 1914 года всегда поддерживал приятельские отношения.

Королева Ольга и ее супруг погребены в фамильном склепе, находящемся под замковой церковью старого замка, недавно на три четверти уничтоженного пожаром, но затем опять реставрированного. Над могилами стоят два саркофага из белого мрамора с изображением Короля Карла и Королевы Ольги. Стены

задрапированы черной шелковой материей с вытканными на ней гербом и орнаментами желтого цвета. У изголовья Королевы Ольги висит серебряный венок, возложенный на ее гроб в 1892 году депутацией от нашего полка. Он состоит из двух полукруглых ветвей дубовой и лавровой; наверху между ними корона, внутри — два скрещенные пальмовые ветки, а внизу надпись: «Незабвенному шефу — Елисаветградцы». У венка до сих пор сохранились две широкие выпцветшие ленты прежних полковых цветов, то есть темно-лиловая и черная. Полковник Небо и его супруга возложили на гробницу Королевы от имени нашего полка букет живых цветов.

Генерал фон Глейх, несмотря на свою болезнь и общий упадок сил, оказал полковнику Небо очень любезный прием. Приказал подать бутылку шампанского и долго беседовал с ним о невозвратном прошлом, а, прощаясь, поблагодарил за оказанное ему внимание и просил передать свой привет Елисаветградцам. Там же в Людвигсбурге полк. Небо познакомился с бывшим офицером того же полка подполковником Фрейхерром фон Гюльтлингенем, который много рассказывал ему о посещении г. Штутгарта депутацией нашего полка с полк. Нордом во главе. По его словам, полковник Норд был очень жизнерадостным и компанейским человеком, свободно говорил по-немецки и в офицерском собрании забавлял всех своими веселыми рассказами. Смешно было смотреть как полк. Норд, человек крупный и атлетического телосложения обнимал и целовал крошечного полковника, тогдашнего командира Драгунского Королевы Ольги полка.

В июле месяце 1937 года один русский, путешествуя по Германии, посетил Шверин и Штутгарт. Вот, что он пишет: благодаря тому, что прежние Великие Герцоги Мекленбург-Шверинские и Короли Вюртембергские были в родстве с русской царской фамилией, в обоих городах сохранилось много того, что напоминает о прежней Великой России.

Я уже писал, со слов полк. Небо, о белых мраморных гробницах над могилами нашего шефа Королевы Ольги и ее племянницы Великой Княжны Веры Константиновны, а этот русский, при более тщательном осмотре города, был поражен, с какой любовью штутгарцы до сих пор сохраняют память о Королеве Ольге, несмотря на то, что со дня ее смерти прошло 45 лет. Он насчитал пять улиц, носящих ее имя. На одной из них, главной, с 1902 года красуется большой бюст ее в молодости с трогательной надписью, свидетельствующей о безграничной любви, которой она пользовалась среди местного населения. Около двадцати благотворительных обществ и по сие время носят имя своей Августейшей основательницы, так что

память русской Великой Княгини, ставшей Королевой Вюртембергской и в течение 50-ти лет сделавшей неизмеримое количество добра, в последние годы — при помощи своей племянницы Веры Константиновны, и поныне свято хранится в современной южной Германии. (Из газеты «Возрождение» — № 4094 — 1937 г.).

После 2-ой мировой войны в Германии ко всему русскому и ко всему тому, что напоминало Россию, немецкий народ относится враждебно. Но в Вюртемберге, особенно в г. Штутгарт, все было по старому, площади, улицы и благотворительные общества носили имя любимой и чтимой Русской Великой Княгини Ольги. (Из журнала «Наши Вести» — № 181. 1961 год).

В 1918 году при расформировании германского 25 драгунского Королевы Ольги полка приказано было распродать с аукциона все имущество полкового музея. Подполковник того же полка Бергер приобрел альбом, поднесенный в 1871 году от 3 гусарского Елисаветградского Королевы Ольги полка. Подполк. Бергер, познакомившись с ротмистром Армистедом нашего полка и узнав от него о существовании нашего Объединения, в 1937 году прислал этот альбом для нашего музея. В альбоме 25 прекрасно исполненных портретов, начиная с командира полка полк. Винберга и кончая младшим корнетом Левицким. Присутствие небольшого числа офицеров в черкесках объясняется тем, что после покорения Кавказа было разрешено кавказским горцам поступать в наши войска. До получения эскадрона они носили черкески и папахи, а потом надевали полковую форму. В 90-х годах таких «офицеров из кавказских горцев» в нашем полку оставалось двое: полк. Цицо Такаев — дядя последнего командира нашего полка полковника Ахмета Такаева — осетин и ротмистр Куденетов — кавбардинец. Дочь полковника Цицо Такаева Тамара была единственной, которая полностью

получала с 9-ти лет и до окончания института 100 рублей в месяц из сумм, завещанных Королевой Ольгой — 50 тысяч рублей, для воспитания дочерей офицеров полка.

Присылая альбом, подполковник Бергер просил председателя Объединения полка прислать ему на память несколько фотографических снимков из нашей полковой жизни, что и было сделано — ему были отправлены несколько снимков с Высочайшего смотра в Новом Петергофе 5 августа 1913 года.

В начале эмиграции Елисаветградские гусары имели общение не только с гор. Штутгартом, но и с последней стоянкой полка — с городом Мариамполем. Из Штутгарта было получено Объединением полка много фотографических снимков из жизни Королевы Вюртембергской. В Литве у Мариампольского фотографа сохранились негативы из жизни полка в Ольгином Штабе, и они также были получены Объединением.

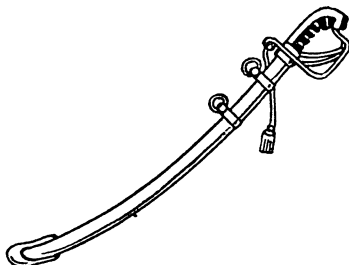
После 2-ой Мировой войны связь с городом Штутгартом прекратилась естественным образом — вымерли те, кто знал наш полк, а гор. Мариамполь после войны очутился за «железной завесой».

Жизнь Елисаветградцев в Ольгином Штабе была тесно связана с воспоминаниями о Шефе полка Королеве Ольге: в офицерском собрании на каждом шагу виден был вензель «О. Н.» — как на столовой посуде, так и на столовом белье. Полковой нагрудный знак был с вензелем «О. Н.» и даже в полковой песне с 1849 года пелось «Бережем мы имя Ольги».

Память о Русской Великой Княгине Ольге Николаевне, впоследствии ставшей Королевой Вюртембергской, будет храниться — пока еще есть в живых Елисаветградские гусары.

Но немецкий народ Вюртемберга еще очень и очень долго будет чтить и хранить свою признательность и любовь к своей Королеве Ольге.

Полк. Рябинин

**ПОЛКОВАЯ ПЕСНЬ 3 ГУСАРСКОГО
ЕЛИСАВЕТГРАДСКОГО ВЕЛИКОЙ
КНЯЖНЫ ОЛЬГИ НИКОЛАЕВНЫ ПОЛКА**

Нам трубят, гусары в дело,
Живо на конь, сабли вон,
Станем дружно, станем смело
За Царя, за свой Закон.
Мы — гусары не из фольги,
Всяк из нас литой булат,
Бережем мы имя Ольги,
Белый ментик и штандарт.
Если ж ментик наш кровавым
Зарумянится пятном,
То с двойною, братцы, славой
Щеголять мы будем в нем.
И других не будет пятен
На почетной белизне,
Ментик наш и чист и знатен
Как и в мире, так в войне.
В поле брани, в поле чести
Имя Ольги наш закон —
Мы влетим, гусары, в дело
И исчезнет враг, как сон.

НА ВОЙНЕ

Я снова в военной форме и назначен командиром вольно-наемного транспорта, сформированного в гор. Звенигородске Киевской губернии.

Транспорт — это огромный табор: 200 повозок, 400 лошадей, более двухсот погонщиков и команды солдат. Застал я транспорт в Полонном — еврейском местечке. Не успел приблизиться к нему, как какие-то евреи стали мне жаловаться, что подводчики разрушают плетни, воруют доски, птицу, домашнюю утварь, обижают девиц... Самый транспорт представлял картину ярмарки: повозки стояли в беспорядке, преграждая улицы, люди галдят, спорят, слышится ругань и пьяные выкрики. Появился фельдфебель, Гупало, и стал жаловаться:

«Сладу с ними нет — ты ему слово, он тебе два. На погрузку невозможно согнать подводды. Кинешь ему на повозку мешок, надо бы еще, а он уже погоняет... а другие пустыми уже назад уходят. А братьев Сыченко не тронь — известные в Звенигородске поножевщики. В продовольственных магазинах говорят, что выдано столько-то, а у нас выходит меньше. Погрузишь сахар, сибирское масло, а они проделывают дырки и растаскивают...»

Армия наша в то время наступала, перешла

реку Сан и входила в Австрию. После Холма мы проходили местами недавних боев — Замошье, Красностав, Томашев. Наступала осень, шли дожди. День и ночь, как длинная черная змея, тянулся транспорт по, разбитым тяжелыми орудиями и зарядными ящиками, шоссе, минуя павших лошадей, брошенные окопы и поломанные фургоны... Вот на ухабе ломается колесо у подводы. Транспорт задерживается, идет перегрузка. Из идущей сзади части неслется крик:

— Не задерживаться! — Какой-нибудь ретивый начальник скачет вперед, угрожает плетью и... успокаивается, видя, что я кладу руку на эфес моей кавказской шашки. А там дальше лошадь захромала... заболел подводчик. Все время получают разногласия приказания, иногда с угрозами: под вашей личной ответственностью и т. п. Даются неразрешимые задания: выделить пять подвод туда-то, десять подвод туда-то. Надо их снабдить фуражем и провиантом, надо, чтобы они потом присоединились к транспорту, а неизвестно, где будет транспорт завтра. Смогут-ли, вообще, догнать отделившиеся куда-то подводды. За транспортом идут походные кухни, готовится пища на всех, а между тем далеко не все окажутся на биваке. 400 лошадей требуют корма,

люди — продовольствия. Где-то есть полевые магазины, но все в движении — магазины сворачиваются и переходят на новые места, но куда?

Навстречу ведут толпы пленных австрийцев, среди которых свирепствует дизентерия. Начинают болеть и мои люди. Впечатление такое, что через несколько дней все развалится из-за поломок повозок, утери груза, болезней и неисполнимых приказаний. По этим приказаниям нужно было быть сразу в нескольких местах, разорваться на части и потерять друг друга из виду. Было еще одно зло: усталость подводчиков. Заснет такой подводчик ночью, отстанет, а идущий сзади наезжает, дышлом пробивает его груз и из мешков сыпется овес, сахар, соль. Плохо накрытая соль во время дождя промокает и приходит в негодность.

Вспомнил я свои затруднения в первые дни на должности земского начальника: там тоже все казалось безнадежным, а потом все стало налаживаться, и я был счастлив. Что-же, буду и здесь налаживать порядок. И начал.

Собрал унтер-офицеров. Одного взгляда было достаточно, чтобы определить, что это были молодец к молодцу.

— Так вот что, ребята, транспорт наш должен принять вид воинской части. На биваке надо выстраивать транспорт по-взводно рядами, колесо к колесу. Назначать дежурных и дневальных. Каждый взводный отвечает за порядок в своем взводе. Запишите себе фамилии своих погонщиков. На погрузке отмечать № подводы, фамилию подводчика и груз. Не оказалось при сдаче — докладывай фельдфебелю о виновном. Я требую порядок во всем от взводных офицеров и фельдфебеля, они от вас, а вы от людей вашего взвода. Сейчас война. Вы служите не мне, а обслуживаете армию. Обслуживаете солдат, дерущихся на фронте. Поняли?

— Так точно, поняли, постараемся, ваше благородие.

И это были не пустые слова. В течение трех лет я не мог нарадоваться, глядя на работу моей команды. И, как раньше в моей канцелярии в Петропавловке куча бумаг на полутаяла, так и теперь повозки на биваке нашли свои места и бивак уже не являл вид табора цыган. Сами подводчики точно переродились: стали исполнительными и старательными. Попробовал было Петро Халупа побуйнить и сразу оказался за решеткой у ближайшего коменданта.

Взялся я и за поломки подвод. Обычно, поломанную повозку бросать не разрешалось, ее возили с собой до того момента, пока ее не признают негодной вызванный для этого контролер. А поймать такого контролера было не так-то просто — ведь транспорт перебрасывали не

только из корпуса в корпус, но даже из армии в армию. Поломанная повозка — это двойная потеря полезного груза (своего и везущей его повозки). Приходилось встречать транспорты, везущие до десятка таких инвалидов. Стал я держать совет со своими кузнецами, плотниками, столярами. Оказалось, что, если доставать нужный материал, а также нужный инструмент, то можно производить ремонт на остановках. Нужные специалисты нашлись, и мало-помалу все негодные повозки были исправлены. Но мы на этом не остановились: — постоянно заменяя неисправные части у всех повозок, мы добились того, что к концу войны все повозки были в лучшем виде, чем вначале. По своей грузоподъемности наш транспорт стал выделяться среди других и хозяйственный отдел например штаба 12-ой армии стал мне давать более широкие задачи. Одновременно мы приводили в порядок и упряжь — шорники непрерывно выделяли новую сбрую и чинили старую. Наладив это дело, я занялся сапожной мастерской.

Когда армия приходила в движение, то, обычно, всевозможные распоряжения начинали сыпаться как из рога изобилия. Приходилось решать сложные задачи, но меня они уже не пугали.

— Позвать Печиборца. Является бравый унтер-офицер.

— Ты, Печиборщ, возьми десять подвод, отыщи полевой магазин 5-го корпуса, вчера он был в Янове, а сегодня там его не застанешь, погрузи по списку продукты и доставь в 10-ый Донской казачий полк, который нужно разыскать, так как он на походе. Обед варится, но тебе ждать нельзя. Получи фураж и консервы. Мы отсюда уходим и нас тоже придется искать. Понял?

— Так точно, понял. Прикажете отправляться?

И через два дня, Печиборщ с пустыми подводами выползает откуда-то сбоку, из лесу. С невозмутимым видом докладывает, что шел через лес «на опростки».

Какое преступление перед Россией совершили те, которые разрушили армию вот с такими Печиборцами.

В самом начале войны получили мы грузовые книги, в которые вписывался полученный и сданный груз. Была графа для указания недостачи. И за всю войну у меня в этой графе оказалось только 25 фунтов сахара. Тот-же Печиборщ, посланный собирать после боя убитых австрийцев, старательно заполнил все графы, указав: количество — 60, название груза — убитые австрийцы, вес — 180 пудов. Он пояснил, что австрийцы были «не так, чтобы очень сытые» и положил в среднем по три пуда на человека.

Однажды меня назначили в комиссию по осмотру пришедшего в негодность имущества в соседнем транспорте. Командир транспорта поразил меня своими знаниями: он сам чинил десятичные весы, подлезал под подводы и что-то подвинчивал, подтягивал подковы у лошадей. Одним словом, он был человек «на все руки». Почему же у него оказалась гора поломанных подвод, рваной упряжи и обрывков брезентов? Ответ напрашивался сам собой: он хотел сделать все сам, распустил команду, а следовало установить такой порядок, при котором каждый должен был бы делать свое дело и был под наблюдением своих ближайших начальников.

Когда армия наступает, то у подводчиков и у команды вид веселый, праздничный. Когда идет отступление, то все становится сумрачным. Подводчики сидят на подводах «нахохлившись», не слышно ни шуток, ни пения.

Отступление из Австрии через Белгорайские болота было чрезвычайно тяжелым. Дороги были разбиты тяжелыми орудиями и зарядными ящиками. Подводы ныряли из ямы в яму. Шел дождь. Оставался один переход до Люблина, когда я получил 90 больных тифом и 60 человек больных дизентерией. Желая обеспечить людей горячей пищей по приходе на бивак, я отправил походные кухни вперед, но потом видно было, что мы до бивала и к вечеру не доберемся. Лошади выбивались из сил, не хватало фуража. Подводчики, как могли, ухаживали за больными, которые продрогли, очень мучились. Были и умирающие... Следовало бы сделать привал, но по сторонам дороги были сплошные болота. С трудом дотащились мы до сухой площадки. Транспорт стал сворачивать с дороги и выстраиваться рядами. Кое-как развели костер, чтобы согреться и хотя бы кипятком напоить больных.

— Вот наверно меня ругают за то, что нет походных кухонь, сказал я, указывая взвонным офицерам прапорщикам Репойтс, Дубяго и Богомолу на группу подводчиков, которые о чем-то беседовали, поглядывая в нашу сторону. От группы отделился один и подошел ко мне.

— Мы тут промежь себя поговорили, что нет у вас еды, а у нас кое-что припасено: у кого сало, у кого хлеб. Не откажите принять от нас.

— Вот они, простые русские люди, все же, — подумал я, вспоминая котлету, которую спас для меня денщик Григоров во время похода (см. № 20 журнала).

В пути, по бокам дороги, мы видели истощенных лошадей, которых бросали впереди идущие части. Жутко было смотреть, как постепенно их втягивало болото, а они поднимали головы, смотрели на нас, повидимому с упреком, а потом бессильно опускали их... Мы все-таки спасли одну такую, обреченную на верную смерть. Погонщики подвели доски, наки-

нули аркан и с трудом, общими усилиями, вытащили ее на сухое место. Бедная лошадка дрожала. Почувствовав спасение, она заржала. Это была рослая кобыла, повидимому из артиллерийской упряжки. «Найда», как окрестили ее погонщики, была потом общей любимицей в транспорте.

Осенью 14-го года нас перебросили в Польшу. Пройдя, по понтонному мосту у Гуры-Кальварии, через Вислу, мы шли по живописным местам. Поляки везде встречали радушно и чем могли помогали. Попав по служебным делам в Варшаву, я видел прохождение по Уяздовской аллее наших сибирских полков. Толпа восторженно приветствовала их, кидали солдатам папирсы. Какие молодцы были эти сибиряки...

Чем ближе к месту боев, тем больше гонки. Бои шли у Радома. Я получил предписание помочь артиллерийским паркам доставить снаряжение в деревню Буда-Аугустовска. Оказалось, что деревня эта переходит из рук в руки. В пути нас обгоняли полки казачьей дивизии. Погонщики наши увлекались и погоняли лошадей. Казаки ругались, что мы загораживаем дорогу. Под грохот артиллерии, треск пулеметов и ружейные залпы мы вошли вслед за казаками в деревню. Какой-то войсковой старшина пришел в восторг, видя, что мы тут же на площади уже выдаем хлеб, овес и сахар. Он записал название транспорта и сказал, что донесет по начальству. Были у нас раненые лошади и разбитые снарядами повозки. За это дело прапорщик Дубяго получил мечи к ордену св. Станислава.

Немцы были отогнаны от Варшавы. В городе ликовали: Месаль (знаменитой польской артистки) вы не получили — говорили наши офицеры.

Во время временной передышки, мы стояли на Пилице, в Могильнице. Мое увлечение приведением транспорта в порядок передалось всем. Наш бивак принял вид благоустроенного городка: появились навесы над кухней, цейхгаузом, околотком. Повсюду дорожки, усыпанные песком с дощечками, указывающими номера взводов и отделений. Полным ходом работали мастерские. В цейхгаузе рядами висела обувь, сложено было обмундирование. Мы были готовы к новым походам.

Зима с 1914 на 1915 год была суровая. Настало время знаменитого «Лодзинского прорыва», когда на фронте все перепуталось: немцы сказывались в тылу, получались прослойки. В то время транспорт, стоявший в Петрокове (лодзинское направление), получил предписание перейти в деревню Каролины. В деревню эту мы пришли ночью и расположились в соседнем лесу. В дороге еще денщик купил гуся. Забравшись в лесную сторожку, я, прапор-

щики Дубяго и Богомоллов отогревались (было 20 градусов мороза), пока гусь жарился.

— Ваше благородие, туточка рядом стоят немцы, — испуганно доложил вбежавший денщик.

— Тебе везде мерещутся немцы. Смотри лучше не пережарь гуся.

Но денщик стоял на своем:

— Так точно, немцы туточки рядом, на мельнице.

Не успел он закончить свой доклад, как перед сторожкой послышался топот и чей-то голос:

— Кто здесь командир? Что вы здесь делаете?

Мы вышли из сторожки узнать, в чем дело. Начальник разезда объяснил нам, что мы залезли в расположение немцев. Достали карту. Выяснилось, что есть две Каролины. Мне не дописали, что нужно перейти в Большую Каролину и я, пройдя лишних 15 верст, попал в Малую Каролину. Через минуту у нас уже были потушены огни, выставлено ближайшее охранение из десяти солдат и, соблюдая возможную тишину, потянулись мы назад, захватив недожаренного гуся.

Как общее правило, Хозяйственный Отдел Штаба Армии совсем не информировал транспорты об общем положении на фронте, карт у нас не было и практика приучила нас собирать нужные сведения своими средствами. В этом отношении незаменимым помощником был унтер-офицер Третьак. Никто его этому делу не учил — он сам, по своей воле, неустанно опрашивал встречаемых раненых, идущих в тыл, разговаривал с солдатами проходящих частей и, обладая редкой памятью, все запоминал, давая зачастую ценные сведения о месте нахождения штабов, полевых магазинов, госпиталей и т. д.

— Послушай, Третьак, — обращался я к нему, — как же ты не обнаружил, что мы лезли куда-то к чертовой матери, немцам на закуску? — Третьак смущенно ответил: — видать-то я видел, что мы идем и идем, никого не минуя и не встречая, и сумление меня взяло, куда мы идем, а только что у вашего благородия была бумажка из штаба. Знамо дело, что штабы пишут... пишут». Третьак безнадежно махнул рукой и на слове пишут оборвал свою защитительно-обвинительную речь.

Начался отход наших армий из Польши. Перешли мы обратно Вислу, прошли Люблин и остановились в гор. Любартове. В этом городе оказался командир наших пяти транспортов полк. Гоуальд. Вообще же он никогда не мог за нами угоняться. Его запоздалые предписания нас очень веселили. Обычно я и мои два прапорщика понимали друг друга с полуслова, а наши письменные сношения принимали иногда весьма своеобразную форму. Вот, например,

когда я поехал в Варшаву, где в казармах Уланского Его Величества полка был штаб нашей армии, то получил донесение от прапорщика Дубяго. Оно было написано на бланке, отпечатанном в Варшаве в ноябре 1914 года в типографии «Феникс». Эти бланки были предназначены для солдат, пишущих родным с фронта. Оно начиналось стихотворением:

— Мило-милочка моя (Дубяго вписал
(«Дорогая Жоржичка»))

Дорогая золотая, цветна любка моя,
Я пишу тебе из края, где война кипит... а я
Хоть бывал в боях сраженья
Слава Богу жив здоров
И о высших награжденьях
Я мечтам

Дубяго дописал: Работаем между Новым-Мястом и Гроец. Обслуживаем стрелковый полк и дружины 25-30, в сфере обстрела. Мне удалось «царапнуть» 3.000 консервов для транспорта. Привет и т. д.

Гоуальд очень уютно устроился на квартире у польки, пани Габриэли Окуневской. Радужная хозяйка делала все возможное, чтобы ее постояльцы пользовались всеми удобствами. За гроши она кормила на убой полковника и весь его штаб. На фронте было затишье, и мы все проводили время у пани Габриэли. Она недавно овдовела. Один из ее сыновей, Виктор, служил в 6-м Сибирском полку. В начале войны он написал, что исполнит свой долг и будет бить немцев.

Долгое его молчание беспокоило родителей. Они стали наводить справки и получили, наконец, извещение, что он пропал без вести. Война застала Окуневскую без всяких средств к существованию. Старшая ее дочь, Мария, была на фронте сестрой милосердия, а при ней оставалась дочь Ядя, 15-ти лет, и две девочки. Нужды нет говорить, что именно Ядя привлекала меня и моих прапорщиков в дом пани Габриэли. Это была тоненькая, интересная блондинка, пишущая стихи, рассказы, недурно рисующая. Она писала дневник и давала читать его полк. Гоульду. Он находил дневник очень интересным и называл Ядю второй Башкирцевой.

Стоял конец июля 1915 года. Мы много гуляли и нам казалось, что так будет продолжаться долго. Но с начала августа началось опять отступление нашей армии. Получил и я приказание отойти в м. Парчев. Мы уже привыкли к семье пани Габриэли и пришли к ней проститься. Она волновалась, боялась прихода немцев, но все-таки находила в себе силы быть любезной хозяйкой и угощала нас на прощанье обедом. Жаль было покидать Любартов и начинать опять месить грязь, искать по ночам ночлег, мокнуть под дождем и получать трудные задачи. Устроившись кое-как на ноч-

лег в Парчеве, мы, то есть я, прап. Дубяго и прап. Богомолов (мы его звали Митрич), долго не могли заснуть, вспоминая жизнь в Любартове. Что-то будет теперь с семьей пани Окуневской. Немцы шли по пятам и могли уже быть в Любартове. Нашу беседу прервал треск мотоциклетки под окном.

— Что такое?

— Командиру транспорта приказание.

Как обычно, на бумаге пометка «весьма срочно». Требовалось погрузить на подводы полроты пехоты и рысью доставить ее в Любартов. Мои подводы должны были погрузить оставленный там накануне полевой хлебопечкарный хлеб. Полурота должна была занять мост через реку на окраине города и обеспечить нашу операцию. Дальше шли обычные угрозы, что хлеб надо вывезти обязательно, но что надо действовать осторожно, дабы не попасть в лапы немцев. Митрич и Дубяго переглянулись: кому-то из них придется распрощаться со сном и трястись в обратном направлении 20 верст.

— Дело ответственное и поеду я сам, а вы спите, — заявил я.

По глазам Дубяги и Митрича я догадался, что они, паршивцы, поняли в чем дело: мне захотелось еще раз повидать пани Габриэлю и ее дочь Ядю.

В темноте погрузил я пехоту и мы тронулись в путь. Командир полуроты, подпоручик, недавно выпущенный в полк, волновался, не зная, как он выполняет задачу. Я его успокоил: все окрестности города знаю и помогу ему организовать защиту моста. К счастью мост немцами занят не был, в городе они еще не появлялись, и мы с подпоручиком расположили его солдат в нужных местах. Мои подводчики быстро грузили хлеб. Начинало светать. А я все думал, что рано и неловко беспокоить пани Габриэль, но в эту тревожную ночь жители не спали, в окнах был свет и виднелись взволнованные лица. Ко мне подошли поляки и просили взять их с собой в Парчев. У меня оставалась свободная подвода и я разрешил брать всех, желающих уезжать. И тут у меня мелькнула мысль, что и пани Габриэля может быть захочет уходить. Она, действительно, радостно приняла мое предложение. Я думал, что доведу ее с детьми до Парчева и этим кончится. Но отступление продолжалось и ей, как и другим полякам, ничего не оставалось, как ехать на наших подводах. А путь был далекий. Мы прошли Брест-Литовск, Слоним, Барановичи и задержались только у Минска. Трудное это было отступление: позади и с боков были пожары, тысячи беженцев тянулись по дорогам и по обочинам. Все чаще и чаще летали немецкие аэропланы, кидали бомбы, а однажды даже выпустили металлические стрелы. Укрыть обоз

от взоров неприятеля невозможно.

Особенно сильно транспорт пострадал от нескольких бомб, сброшенных недалеко от Слонима. Двое погонщиков были смертельно, десять — более легко, ранены. Были убитые и раненые лошади. У одной лошади было оторвано копыто, которое упало около кухни в бак с водой. Когда умирающих погонщиков уложили на повозку, то их односельчане окружили ее. Меня поразило, как обстоятельно отдавали страдальцы свои распоряжения, главным образом хозяйственного характера.

На бивак приехали два штабных офицера, записали название деревни и уехали. Много позже мы узнали, что они приезжали, чтобы получить какую-то награду, как бывшие под обстрелом.

В этот день утром я написал письмо домой и собирался ехать на полевую почту. Вестовой спдвел коня (Ветерка) к камню, чтобы мне удобнее было садиться. Я вспомнил, что забыл письмо на столе и вернулся в хату. Так как Ветерок не стоял спокойно, то вестовой начал его водить и в этот момент бомба упала на камень и разорвалась. Судьба!

После Брест-Литовска началась холера и чем дальше, тем больше. Помню одну ночь. Мы шли лесом и повсюду на опушке леса огоньки, при свете которых люди хоронили умерших. Ежеминутно разыгрывались драмы. Вот перед нами крестьянская подвода:

— Эй, Санька, подгони поросенка — кричат с подводы.

Санька, девченка лет 14-ти, бежит назад с хвостотиной. Подвода задерживается, чтобы ее подождать, но идущие сзади кричат — не задерживать, — и подвода начинает уходить. А дальше дорога расходится направо и налево. Куда пойдет Санька? Что ожидает ее, если она со своим поросенком попадет не на ту дорогу?

На станции Столбцы длинные составы поездов. Беженцев принимают, но без подвод и лошадей. Ехать дальше на лошадях беженцы не могут, так как нет фуража. За два рубля продают они лошадь, за копейки кур, гусей. Приходилось все время напоминать своим людям, что пользоваться бедой беженцев нельзя, что нужно все-таки платить божеские цены... Впрочем, около нашего котла всегда толпились женщины и дети и кашевар Заика щедро раздавал им пищу, так как пища готовилась в большем чем обычно количестве.

В Минске нам не пришлось отдохнуть, так как нас перебрасывали из армии в армию. Прошли мы Вилейку, Двинск и двигались к Риге в армию Радко-Дмитриева. Еще за Вислой захромал мой любимый конь «Ветерок». Очень мне не хотелось с ним расставаться, но все-же пришлось отправить в полевой ветеринарный пункт. Его могли по излечении отправить в

какую-нибудь другую часть. Я решил с этим побороться.

— Послушай, Андриенко, — говорил я солдату, сопровождавшему коня на пункт, — назад без Ветерка не возвращайся, постарайся нас найти, куда бы мы ни пошли.

— Постараюсь, ваше благородие.

Шли месяцы.

— Где же теперь Андриенко? — думал я. Если бы мы оставались в одной и той же армии и если бы не было отступлений, то найти нас было бы трудно, но возможно. А нас перебрасывали с Юго-Западного фронта на Северо-Западный. Штабы армий и те не очень были осведомлены о нас. Нет, не видать мне Ветерка, как своих ушей!

Где-то за Двинском подходим мы к станции «Дрисса». Смотрим — на опушке леса стоит солдат, держит коня в поводу и рядом с ним стоит баба в малороссийском, вышитом узорами, тулупе (фасона «Клоц»). Неужели Андриенко? Подводчики присмотрелись:

— Оце же вин, Андриенко!

— Честь имею явиться — важно докладывает Андриенко, вынимая из-за пазухи про соленную бумагу. Баба оказалась женой подводчика, ехала она повидать мужа, когда мы еще стояли за Вислой.

Добрались мы и до Риги. Наши маленькие крестьянские лошадки, набранные в Киевской губернии, с честью выдержали трудный путь и вот они уже бойко стучат копытами по мостовой Риги.

В Польше мы быстро сходились с поляками — с латышами было труднее: они были замкнуты, необщительны. Языка их мы не понимали. Нужно было устраивать людей по квартирам и я не знал как объясниться с хозяевами. Подводчики стали звать на помощь артельщика Моисеенко. Я знал, что в Польше он удивлял всех знанием польского языка. Но здесь? Мы ведь только что пришли. Пришел Моисеенко. Если бы я не слышал собственными ушами его речь, я бы не поверил.

— Где же он научился и когда?, — недоумевал я.

— А пес его знает! — отвечали мне.

Вспомнил я Моисеенко, когда стоял в Париже и спрашивал лавочника и прохожих, где улица Перье, и меня не понимали, так как улица была не Перье, а Пере. И стоял то я на этой самой улице.

Стали мы осваиваться понемногу и с жизнью в Риге. Местом встреч была Известковая улица и кафе Рейнера. Переехала в Ригу и пани Габриэля с дочерьми. Я часто посещал ее и в августе 16-го года сделал предложение ее дочери Яде. Свадьбу справляли в пустынном замке под Ригой. Этим замком управлял знакомый англичанин. Погонщики и солдаты поднес-

ли нам прекрасный чайный сервиз. Подготовили они, тайно от меня, струнный оркестр и когда мы садились за стол, то этот оркестр «грянул» марш. Было шумно и весело, причем главное блюдо — тушеное мясо — забыли подать и только на другой день обнаружили в духовке обуглившийся комок. Не обошлось и без речей. Писарь Плахута патетически восклицал: «третий год несем мы тяготы войны. В Польше судьба принесла нам подыхающую кобылу Найду. Стала она нашей любимицей. В Польше же к нашему транспорту прибилась пани Габриэля и ее дочь паненка Ядя. Всяко бывает, может случиться, что и она станет любимицей и верной женой нашего командира. Ура им и «горько»!

Прапорщик Дубяго шепнул мне: «ты целуй пани Ядвигу, а я уже поцелую Найду».

Взводный офицер Митрич не терял времени и ухаживал за очаровательной Ксенией. Он не только говорил ей приятные вещи, но и приготовил письмо с выражением своих чувств.

Обряд венчания совершал в Покровской церкви протоиерей Николай Тихомиров. В церкви я вручил Митричу конверт с деньгами для передачи о. Николаю. Митрич конверты перепутал и о. Николай получил пламенное объяснение в любви, а Ксения некоторую сумму денег. О. Николай сразу понял, что это ошибка и много смеялся. Ксения же напустила на Митрича «холод». Через несколько дней холод был забыт, а через месяц состоялась и их свадьба. В день венчания я поставил у входа в церковь денщика, Пышного, с наставлением пропускать в первую очередь родных, знакомых и, конечно, служащих в транспорте. Денщик перестарался, не пустил некоторых почтенных латышей и они, полные негодования, ушли...

Зимой 1917 года началось какое-то оживление на фронте. Я получил предписание срочно выступить для обслуживания стрелковой латышской бригады. Наскоро уложили мы вещи жены в громадную корзину, попрощались и расстались. Она переехала к матери в Ригу.

Я часто бывал в землянке молодых офицеров-латышей. Это была очень симпатичная молодежь. Впоследствии я узнал, что бригада эта играла большую роль в первые дни большевизма. После короткого оживления, на фронте наступило опять затишье, и транспорт вернулся на свою стоянку под Ригой. Семьям офицеров рекомендовалось не устраиваться при мужьях — поэтому жена оставалась в Риге, но приезжала меня навещать. В передней почему-то появилась ее пустая корзина. Однажды я ей сказал, что, пожалуй, она может переехать ко мне и что надо перевезти вещи.

— Вещи уже здесь — спокойно заявила

она, указывая на корзину. Оказывается, она нарочно заранее перевезла пустую корзину, а потом тайком ее заполняла. Когда я ей говорил, что женщинам не место на фронте, то она не спорила, но свою линию вела. И если теперь мы здесь в Париже, вместе, если я вообще дожил до этого, то это только благодаря ее энергии, а временами и героизму, с которым она боролась за наше существование в то время, когда мы все стали песчинками в бушующем урагане.

Всю осень 1916 года транспорт стоял недалеко от Риги в дачном местечке Роденпойс. Приходилось, бывать в Хинценберге, Вельмаре, Валке — это живописная местность, покрытая небольшими горами и сосновыми рощами (Ливонская Швейцария). Стояла чудная погода. Я с женой прогуливался в расположении транспорта. С нами был и brave фельдфебель Гулало. Заглянули мы в сапожную мастерскую, где Петросян, окруженный учениками, чинил обувь. Прошли мы дальше в швейную мастерскую. Портной Попович, окончивший до войны портняжную академию (в Риге), шил заново нарядные гимнастерки для команды. Из канцелярии доносился стук машинки. Подошли к кухне. Кашевар в белом переднике дал нам «пробу» щей, а дежурный по кухне рапортовал о числе довольствующихся и о весе мясной порции. Вес порции отмечался на особой доске и вносился в путевой журнал. За кухней горы пресованного сена. В сосновой роще ряд землянок, а дальше ряды подвод и коновязи.

— Дежурного до командира — кричит увидевший нас подводчик.

Как из-под земли вырастает расторопный Скрипник и подходит с рапортом. Проходим мимо первого взвода. Дневальный взвода следует за нами. Вот верховые лошади — красавец Ветерок, маленький лохматый Вихрь (солдаты зовут его Вихорь) и др. Около больных ревматизмом лошадей возится ветеринарный врач, Климовский. На походе лошади страдают от ревматизма меньше. Врач имеет обыкновение выражаться витиевато: «у этой лошади мощное извержение каловых масс». Как-то раз, когда было много больных лошадей, объявил, что надо сделать «поголовную термометрию» и поставил диагноз — контагиозная плевро-пневмония. Транспорт освободили от работы и поставили в карантин. Мы были очень довольны, отсыпались, а письма к Климовскому начинали фразой: — контагиозный Иван Петрович.

К нам подошли старики подводчики «дяди». Мало их осталось: большинство заменено солдатами, негодными к строю. Дяди стосковались по родным местам. Пользуясь присутствием жены, они стараются разжалобить меня и получить разрешение съездить домой.

— Ваше благородие, отпустите меня до дому, — просит один, а другой хитрит и спрашивает:

— Як ви мени посовитуєте, чи мині їхати до дому, чи ні їхати?

За три года войны полюбил я этих стариков и не могу себе простить, что не догадался в свое время хлопотать о награждении их медалями за усердие. А работа их была тяжелая. Отвечая за груз, они предпочитали даже зимой спать на подводах, тем более, что лошадей они считали своими, надеясь после войны получить их обратно, держали их при подводах, а не оставляли на коновязи (коновязь применялась только для верховых лошадей, а для упряжных — когда стали появляться в транспорте негодные для строя солдаты и когда транспорт из вольно-наемного стал военным). По ночам они вставали, подкладывали сена, накрывали попонами. Ночью уставший подводчик борется со сном и все-таки засыпает. Лошади уменьшают ход, а идущая сзади подвода наезжает, пробивает дышлом мешок, из которого высыпается овес, сахар или соль... А из дома пишут, что «без хозяина плохо плачет»...

Подошел подпрапорщик и стали мы вспоминать наши скитания за долгие годы войны. Посещение транспорта доставляло мне удовольствие. Все уже было налажено и мне фактически нечего было делать. Возвращаясь домой, я думал о том, что когда-то в полку решал не терять зря свободного времени. Вспомнил, как мы со Жданко изтали книжку — памятку разведчику (см. № 28 журнала) и решили изучать языки. Что-же мешает мне заняться языками во время стоянки под Ригой, почему я спохватился ровно через год? И не только языки полезно знать. Вот у меня прекрасный портной Попович и хороший сапожник Петросян. Почему бы не поучиться у них? Почему не поучиться у ветеринара или у фельдшера? И почему у меня в жизни все идет с какими-то провалами: то я день и ночь работаю и налаживаю дела, будучи земским начальником, то, забыв все на свете, привожу в порядок транспорт, то ничего не делаю и не вспоминаю, что когда-то решил не терять зря драгоценного времени. Прав был юнкер Славной Школы Эймелеус, когда говорил о равновесии. (См. № 10-й журнала).

Итак, решено — не терять зря свободного времени и пользоваться возможностью пополнять свои знания. Правда, младший брат мой Виктор, который оставил Московский университет, поступил вольноопределяющимся в Нижегородский драгунский полк и перешел потом во 2-й Кавказский Пограничный полк, звал меня туда, и я уже подал рапорт о переводе для совместной службы с братом, но ...оставить мои

занятия всегда можно, лишние знания не мешают...

Дома меня поджидали Митрич и Дубяго — оба очень взволнованные, так как было получено известие, что в Петербурге беспорядки, стрельба... Сведения, одно другого тревожнее, поступали непрерывно и вскоре уже не было сомнений: начиналась революция. События разворачивались быстро. Транспорт начал принимать вид первых дней войны. Фельдфебель Гупало, как и тогда, стал докладывать:

— Ты ему слово, а он тебе два.

Лошади стали нечищенными, на погрузку никто не хотел выезжать, все запасы обуви, белья и одежды, которые я накапливал с большим трудом, были разобраны в один день. Пошли митинги. Старая команда и подводчики держали себя прилично, но их было уже мало; большинство было уже заменено солдатами, признанными негодными к строю.

Рига потеряла свой нарядный вид: повсюду толпы неряшливо одетых солдат. Поражали только своей дисциплиной brave солдаты Финляндского драгунского полка. Командир их, старый Нижегородец, кн. Меликов (Коля) с неизменной громадной папиросой (таким я его знал с детства) невозмутимо сидел на своем обычном месте в кафе Рейнера!

Все-таки были разговоры о предстоящем наступлении нашей армии, о «наступлении Керенского». После неудачного наступления настроение у всех упало. Наступила осень, и власть перешла в руки Советов. Я стал «товарищем командиром», а писарь из моей канцелярии, приказчик от «Мюр и Мерилиза», все-таки комиссаром. Солдаты бросали фронт и уходили домой. Мы беспорядочно отступали... Транспорт, покинув стоянку в Роденпойсе, стал выходить на шоссе, ведущее на Псков, но в это время где-то сзади началась паника: кто-то крикнул: «немцы» — и все, идущее по шоссе беспорядочно ринулось вперед. С грохотом неслись зарядные ящики, громадные лодки понтонных мостов, установленные на громадные платформы, нагруженные фугоны. Все кричали, где-то стреляли и не было возможно, да и не следовало, втиснуться на шоссе. Какой-то фулон зацепил ногу моего Ветерка, протащил его шага три и опрокинул. Я сам успел уцепиться за край фугона и только шагов через двадцать смог перескочить на тротуар. Мой Ветерок уже был на тротуаре и пытался встать, но передние ноги его были запутаны в поводьях. Он смотрел в мою сторону, и было непередаваемое чувство, что он обрадовался при виде меня.

Я знал, что Роденпойс пересекала переносная узкоколейная железная дорога (Дековилька), но она почему-то в этот день застряла на площади и что там образовался затор. Так оно и

было. А тут еще со стороны Рижского залива налетело несколько гидравлионов, которые начали сбрасывать бомбы. Полковнику Ордынскому осколком перебило руку. На площади — ад крошечный. Что делать? А подводчики, потеряв голову, прут в эту западню. Тут я вспомнил, что тут рядом есть небольшой переулок, ведущий в поле и что верстах в двух можно полем выйти на шоссе. Но сворачивать в него подводы было не так-то просто. Окончательно оглушенные подводчики не слышали и не понимали меня.

— Поворачивай направо — закричал я и огрел плетью возницу. Он как бы очнулся, понял, что в этом спасение и повернул в переулок. Тут уже я стал таким же способом поворачивать и другие подводы. Хотя и с большим трудом, но все-таки удалось почти весь транспорт вывести на простор. Ночью мы стояли биваком в лесу. Почти никто не спал. Возбуждение от пережитого еще не прошло. Люди сидели вокруг костров и вели беседу. У одного костра чему-то смеялись. Я подошел к ним:

— Чему вы смеетесь?

— Да как же, нам говорят, что теперь новый режим, а вы, почитай, каждого из нас огрели плетью!

— А что было бы с вами, если бы я только командовал, слышали ли бы вы меня?

— Куды там, мы враз попали бы в гиблое место...

Уходящие с фронта части грабили Ригу. Один солдат присоединился к нам в лесу и все время держался поближе ко мне и моим офицерам. На каждой руке его было надето несколько часов, мешок туго набитый. Чем? Ясно было, что он ограбил в Риге ювелирный магазин и держался нас, чтобы не быть ограбленным в свою очередь. Мы его прозвали экспроприатором. На эту кличку он охотно отзывался и был, вообще, очень услужливым. — Эй, экспроприатор, принеси воды из ручейка, кричали мы и он приносил. С боязнью озираясь в темноту леса, он говорил:

— Разный люд бродит там, неровен час, можно наскочить на грабителя или душегуба.

— Да ты сам грабитель, смеялись мы.

— Може так, но не душегуб.

На него с уважением смотрел подводчик Клим Горобец. Этот богатырь был вор, который ни разу не был уличен. Воровал он не для себя, а для общего блага. Еще в Люблине приволок он воловью кожу для замены прогоревшего кузнечного меха. В Молодечно раздобыл чугунную плиту для кухни. Уверял всегда, что брал в разрушенных домах. Еще недавно я застал его прилаживающим новый фонарь у входа в транспорт.

— Послушай, Клим, ты опять скажешь, что достал в разрушенном доме? Здесь нет та-

ких домов — ты обокрал латышей. Ты мародер, я велю выпороть тебя при всех людях... — кричал я. Широкое лицо Климася расплывается в очаровательную улыбку.

— Порите, воля ваша, а только что я не жи-
водер, потому как крест на мне есть...

Добрались мы до гор. Вольмар. Мы уже знали, что командующий 12-ой армией ген. Радко-Дмитриев (болгарский герой) произносил непонятные нам речи о крушении монархического режима, что газета «Окопная правда» вытеснила свободные печатные органы, что поручики Хаустов и Сиверс действовали от имени партии большевиков. До нас дошло приглашение записаться в союз офицеров для защиты наших профессиональных интересов...

В Вольмаре уже знали о катастрофе в Роденполсе и к нам явились делегаты какой-то революционной организации. Молодой председатель этой организации, франтовато одетый, не производил впечатления фронтового солдата. Созвали митинг. Выражаясь витиевато, председатель говорил о борьбе с капиталистами, помещиками и т. п. Другие делегаты ему поддакивали, так же как и солдаты, недавно прибывшие за замену наших вольнонаменных подводчиков. Мои люди слушали молча и, видимо, многое даже не понимали. Самое эффективное председатель прибегает к концу речи:

— И вот, товарищи, до нас дошло известие о недопустимых и преступных действиях вашего командира. В свободной армии он позволил себе избивать граждан подводчиков. Ему не место быть здесь командиром. Судите его и избирайте себе другого командира, а также подавайте голос за нового командира батальона вместо эвакуированного из-за ранения. Мои люди угрюмо молчали, но тут выступил унтер-офицер Третьяк:

— Бил людей? Бил не тебя, а нас и за дело: кабы не бил, то были бы мы все в плену и работали не на своих, а на немцев. А кое-кто и

остался бы лежать на площади. И кто ты такой есть? Мы что-то таких на фронте не видали. Видали мы теперь таких молодчиков, которые прибыли на замену наших старших. И что же, перво на перво, собрали митинг, постановили разобрать за нас сапоги, а потом только их и видали. А зима подходит, кто нам даст мов торжественно вручил мне протокол общего собрания, в котором говорилось о выражении ходит... и корма нет... Подводчики стали одобрительно поддакивать..

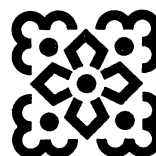
Видя свое дело проигранным, делегат пробормотал что-то о неосознанности и смылся.

Через некоторое время подпрапорщик Акимов торжественно вручив мне протокол общего собрания. Опять же и мясо до транспорта не до мне доверия, как командиру, и о том, что люди транспорта дают в мою пользу голоса для избрания командиром батальона (батальон состоял из пяти транспортов).

В конце зимы 1917 года солдаты бросали фронт и уходили домой. Еще летом пришлось расстаться с женой. Очень она не хотела покидать меня, но пришлось. Она уехала в Кисловодск, а пани Габриэля с девочками к своей дочери в Клин. Знаменитая корзина была сдана в багаж... и не дошла по назначению.

И тут-то произошел случай, который обнаружил то хорошее, что заложено глубоко в душе простого русского солдата. Под видом отпуска стали уезжать солдаты домой. Собрался и денщик Левченко. Для очистки совести я поручил ему поискать на станции Дно и в Москве пропавшую корзину. Прошло месяца два и я получил от него письмо. Он подробно описывал, как и где искал корзину, как ее нашел и направил в Кисловодск. Он посылал поклоны и подписался — ваш драгоценный слуга Петр Левченко.

Г. Танутров
(Жук)

Из жизни кавалергардов

ОШАНСКИЙ

За те 36 лет, что протекли между 1863 и 1899 годами, перед 100-летним юбилеем полка, в нем переменилось много командиров. Менялись также заведующие хозяйством, полковые квартирмистры, поступали в полк

молодые офицеры и солдаты, другие его покидали, уходя в запас или получая иные назначения. Только один Ошанский за эти 36 лет беспрерывно находился в полку. Кто же был этот Ошанский и какую должность он занимал в эти годы?

Виленский еврей Абель-Аарон Ицкович Ошанский — печник по профессии — был взят по рекрутскому набору в царствование Императора Николая I и служил рядовым в различных военных мастерских.

В 1863 году он был переведен в нестроевую роту Кавалергардского полка кузнецом. Всегда исправный по службе, хорошо грамотный, абсолютно трезвый, он сразу обратил на себя внимание начальства и в 1867 году был произведен в унтер-офицеры нестроевой роты.

Печи и дымовые трубы в казармах полка были плохо сложены, почти всегда дымили и часто загорались. Ошанскому, как опытному печнику, было поручено привести их в исправность. И вот, как-то само собой получилось, что к Ошанскому после починки труб, постепенно целиком перешло заведывание всеми полковыми зданиями.

В 1874 г. его произвели в фельдфебеля нестроевой роты, а, когда в 1881 г. рота эта была упразднена и заменена нестроевой командой, то Ошанского переименовали в вахмистра.

По мере возвышения его по служебной лестнице, изменялось и его положение в полку. Ошанский уже не просто Ошанский. От новобранца до командира полка его величают по имени отчеству Александром Ивановичем — так переделали на русский лад его имя Абель и имя отца Ицка. С ним совещается и полковой квартирмистр и заведующий хозяйством, и сам командир полка, и ни одно, даже самое незначительное мероприятие по хозяйству полка, не обходится без совета этого всезнающего,

всевидающего негласного «коменданта полковых казарм».

На рукаве Ошанского серебряные и золотые шевроны сверхсрочной службы. Грудь его увешана целым рядом медалей за долгую беспорочную службу. И днем и ночью, его можно видеть обходящим казармы, оглядывая все своим зорким взглядом.

Ошанский дожил до столетнего юбилея полка в 1889 году и на его долю выпало большинство хлопот по подготовке этих знаменательных для полка дней. Он, заранее, предвидел все мелочи и в дни полковых торжеств присутствовал при встрече Государя и Шефа у большого манежа, у офицерской Артели и у паперти полковой церкви.

За год до юбилея, Ошанский начал болеть. Доктора прописали ему полный и продолжительный покой. Но не тут то было. «Все они врут, эти доктора, Ваше Превосходительство, если я слягу, то помру», сказал он командиру полка генералу Николаеву и по-прежнему с той же неутомимой энергией продолжал свою службу.

Но, 31 января, всего 20 дней после окончания юбилейных торжеств, Ошанский умер.

Отпевание Ошанского, по Высочайшему разрешению, состоялось в большом манеже. 1-го февраля гроб был вынесен из его полковой квартиры офицерами полка и, в предшествовании полного хора С. Петербургской главной синагоги, поставлен в большом манеже на особом катафалке. Главный подъезд манежа выходил на Захарьевскую улицу. Но по просьбе еврейских распорядителей похорон, чтобы не проносить гроб мимо полковой православной церкви, его несли кружным путем, по Шпалерной и Таврической улицам. Мало кто знал в полку, что в течение многих лет Ошанский был во главе Петербургской еврейской общины.

3-го февраля, в присутствии всего наличного состава полка, всех бывших старых командиров и многих бывших офицеров полка в полной парадной форме в белых колетах с трауром на рукаве, в касках с орлами, состоялось отпевание вахмистра Кавалергардского Ее Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны полка Абеля Ошанского, в течение 73 лет верой и правдой прослужившего четырём Императорам.

К полудню манеж принял совершенно необычный вид. Военно-аристократический мир столицы, высшие еврейские и финансовые круги, рядовые Кавалергарды, простые евреи-ремесленники перемешались у гроба Александ-

ра Ивановича. Гроб был вынесен из манежа по окончании службы всеми старыми командирами полка, которые и сопровождали его затем до вокзала Николаевской железной дороги.

Хор трубачей и пеший взвод под командой вахмистра — как равного в чине с покойным — отдали последние воинские почести.

Эти торжественные еврейские похороны были так необычны и так шли в разрез с той антирусской, зарубежной пропагандой, обвинявшей всю Россию в повальном, всеобщем юдофобстве, что событие это было отмечено в иностранной прессе.

В. Н. Звегинцов

Суворовский Кадетский Корпус

Многолетние ходатайства и просьбы о настоятельной потребности крупнейшему Военному Округу — Варшавскому — иметь свое военно-учебное заведение были уважены и в 1899 году, волей Императора Николая II-го Александровича, был учрежден Варшавский кадетский корпус, временно поместившийся в Варшавской крепости в казармах Л. гв. Кексгольмского полка, перешедшего в город на новые квартиры.

Уже в 1900 году Варшавский кадетский корпус был переименован в Суворовский и в том же году, в торжественной обстановке, в присутствии Командующего войсками округа Генерал-Адъютанта Светлейшего князя Имперетинского, в лучшем месте Варшавы — на Бельведерской аллее — состоялась закладка нового здания корпуса.

Для церкви корпуса был Высочайше пожертвован иконостас, находившийся при армии кн. Суворова при вступлении в Варшаву в 1794 году, а затем при главной квартире Императора Александра I-го Благословенного во время Его походов за границу в 1813-14 гг.

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы была освящена 21 ноября 1902 года, и день этого праздника — 1 октября ст. ст. — стал незабвенным днем праздника корпуса.

В память столетия со дня кончины Генералиссимуса кн. Суворова, приказом по Военному Ведомству (18 мая 1901 г. № 163) были учреждены 10 Суворовских стипендий.

С первым выпуском, в 1906 году, корпусу было Высочайше пожаловано Знамя гвардейского образца. Особенностью корпуса был присвоенный ему встречный марш «Гром победы раздавайся».

Корпус был 4-ротного состава и при нем приют для малолетних, носивших кадетское обмундирование, но без металлических пуговиц и кадетского пояса с бляхой; на контр-погонах

и на фуражке вместо кокарды был трафарет «СУВ».

При корпусе был Суворовский музей, в котором, кроме ценных исторических документов, выделялась застекленная витрина с двумя реликвиями: лента ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия I класса с вышитой на банте орденской звездой и золотой офицерский крест за взятие Праги, принадлежавшие Суворову. В Белом зале на мраморном цоколе был установлен бюст Суворова, присланный в дар корпусу 2 декабря 1901 года незабвенным Великим Князем Константином Константиновичем при собственноручном письме: «Посылаю в дар Суворовцам бронзовый бюст великого Суворова, исполненный в 1801 году Гишаром. Я уверен, что Суворовские кадеты никогда не забудут какое славное имя они носят и что всегда будут почерпать уроки доблести в деяниях дивного выразителя русской силы и русской славы».

Великий Князь проявлял свои заботы и любовь к молодому корпусу до самой своей кончины.

Государь Император неоднократно оказывал корпусу свое высокое и милостивое внимание, чему свидетельствуют сохранившиеся и по сей день документы:

- «Тронут чувствами чинов и кадет Суворовского корпуса, Имя великого полководца, которое они носят, да будет им во всю жизнь путеводною звездой во всех обстоятельствах» (5 октября 1905 года).
- «Искренно благодарю чинов корпуса и молодых Суворовцев» (8 октября 1904 года).
- «Сердечно тронут выражением высоких чувств, одушевляющих Суворовский кадетский корпус. Уверен, что питомцы его докажут будущей службой своей

непоколебимую и самоотверженную преданность Престолу и дорогой Родине» (18 мая 1906 года).

Директорами Суворовского кадетского корпуса были: 1899-1908 г. — Генерал-Лейтенант Степан Нилович Лавров, назначенный потом помощником Гл. Начальника военно-учебных заведений. — 1908-1917 — Генерал-Лейтенант Андрей Николаевич Ваулин.

С объявлением войны, осенью 1914 года, по плану мобилизации, Суворовский кадетский корпус был переведен в Москву, где и располагался в казармах Гренадерского Саперного батальона, постепенно переоборудованных для этой цели. (Младшая — 4-ая рота — так и осталась прикомандированной к 1-му Московскому Императрицы Екатерины II кадетскому корпусу).

Зимой 1914 года корпус удостоил своим посещением Государь Император с Наследником Цесаревичем и Великим Князем Константином Константиновичем.

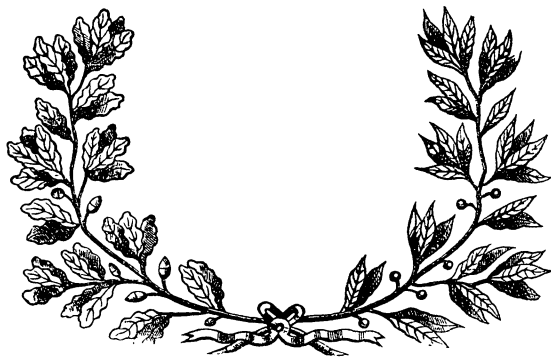
За время своего существования Суворовский кадетский корпус сделал 13 выпусков: 9 до Великой войны, 3 во время ее, а 13-му кое-как удалось в 1918 году закончить корпус, уже преобразованный в нечто похожее на военную гимназию, но... дух сохранили они старый — кадетский; приходилось некоторых встречать потом — это были настоящие наши — Суворовцы. Обидно и грустно делается за тех, кто шел следом, кому не выпала честь быть выпущен-

ным из корпуса, но... против судьбы не пойдешь, испытания особого рода выпали на нашу долю... Не опускайте головы. Слышите, Вы — далекие. Мы — кадеты — одна семья, и те, что значительно старше, и вы — имевшие на своих детских плечах, хотя бы год, Царские погоны — той же Суворовской семьи кадеты.

На белых мраморных досках Белого зала не выбиты золотом имена многочисленных наших кавалеров Ордена Св. Георгия, в нашей церкви не укреплены траурные доски с именами сотен Суворовцев, безропотно отдавших свои молодые жизни для блага Родины... Рухнула Империя, погребло здание, был невиданный в истории Великий Исход, но Духом жив Славный Корпус и поныне. Рассеянные российской бурей по четырем ветрам земным, Суворовцы уже много лет как объединены за рубежом, храня старые заветы Веры и Верности, дружбы кадетской, имея свой печатный орган связи, собирая по крупинкам все касающееся родного корпуса, помогая впадшим в нужду однокашникам, гордясь Великим Именем, красовавшимся на наших алых погонах. Стройная организация деятельных представителей в Америке и других странах, возглавлялась более четверти века единым председателем всех Суворовских Объединений Александром Николаевичем Потаповым, удивительным патриотом корпуса, отдавшим делу этому средства, знания, волю, время и... здоровье, пользующемуся любовью, доверием и признательностью всех Суворовцев. Ныне, на этом посту, его заменил Николай Владимирович Главацкий.

С 1-го октября 1957 года Почетное Председательство приняла на себя Е. В. Княжна Вера Константиновна, младшая дочь незабвенного Великого Князя Константина Константиновича.

Сергей Двигубский
(XII выпуска).

Значение и развитие Тяжелой Артиллерии в Российской Императорской Армии

Факт исключительно незначительного количества тяжелой артиллерии в составе Российской армии до 1914 года был мало освещен в печати. Говорилось и писалось много о недостатке патриотизма, ружей, патронов, о слабой подготовке высшего командного состава и призывных молодых солдат, о слабости правительства и даже об «изменах», а вот об имевшем колоссальное значение **маленьком факторе** — к сожалению, почти ни слова...

Значение тяжелой артиллерии настолько велико, что небезинтересно проследить за началом ее развития в Российской Армии, ибо можно с полной уверенностью сказать, что, если-бы Российская Армия имела в самом начале 1-ой Мировой войны хотя бы равное с Германией количество тяжелой артиллерии, то ход войны и вся история России были бы совершенно иными, и Россия, совместно с союзниками, заставила бы Германию и Австро-Венгрию положить оружие еще в течение первого года войны.

Генерал Людендорф в своих записках подчеркивает много и много раз значение наличия тяжелой артиллерии, и во всех операциях полевых войск германской армии мы замечаем присутствие тяжелых и особо-тяжелых орудий. Например, даже ландштурм, входивший в состав IX армии, при операциях у Танненберга имел орудия крепостной артиллерии, что все же указывает на недостаточность и там тяжелой ездящей артиллерии, несмотря на то, что таковой в начале войны было почти в 15 раз больше, чем в Российской Армии. Он совершенно справедливо указывает, что ни одна из воюющих наций не сумела правильно оценить действия сконцентрированного артиллерийского огня (у нас был первый случай применения такого принципа во время «Брусиловского» наступления — генерал Кирей).

В основе операций зимней кампании у Мазурских озер лежал план атаки крепости Осовец при помощи самых тяжелых дальнобойных орудий. (Порт-Артур пал главным образом потому, что японцы подвезли 10-11-ти дюймовые гаубицы).

Взятие крепости Новогеоргиевск было доверено генералу фон-Базелеру, которому подчинялись 9 и 12 армии, — туда же было послано большое количество тяжелых австрийских гаубиц, хотя начальник его штаба полковник фон-Зауберцвейг старался доказать, что доста-

точно было одного обложения крепости (гарнизон крепости был до 80.000 человек), которая не сможет, яко-бы, долго защищаться...

Генерал Людендорф удивлялся Великому Князю Николаю Николаевичу, что он не улучшил положения ни Брест-Литовска, ни Новогеоргиевска, ни Гродно, говоря «... должен-же он был видеть, что удержать крепости невозможно, так как состояние их укреплений совершенно не соответствовало силе нашего гаубичного огня». Генерал фон-Базелер начал штурм крепости с ее северо-восточных фортов, — здесь была восстановлена разрушенная железная дорога: Млава, Цеханов, Новосельск, — для подвоза тяжелой артиллерии. 9-го августа закончилось окружение крепости, а 19-го Новогеоргиевск пал. (Комендантом крепости был ген. шта. генерал-лейтенант Бобырь, а начальником артиллерии ген. майор Я. Ф. Карпов). Сттуда тяжелые батареи были перевезены под Гродно, так как крепость Ковно (комендант — ген. лейтн. Григорьев, бывш. начальник штаба Варшавской крепости) к тому времени была уже взята. Ген. Людендорф говорит, что Новогеоргиевск, возможно, окажется последней крепостью, взятой полным окружением.

Интересно отметить, что крепость Верден немцам не удалось окружить (не хватало живой силы!), а была попытка захватить ряд фортов с северо-восточной стороны. К 21 февраля 1916 года им удалось обложить всю северную и восточную части крепости и даже после колоссального количества жертв захватить два форта на восточной стороне: Douaumont et Vaux. В июне, также уложив многие тысячи людей, немцы продвинулись на полтора-два километра к фортам: Côte de froi de Terre et de Tavan-pes, но в ноябре того года оставили форты: De Douaumont et Vaux, а к 17 декабря и от этих фортов отошли на 3-5 километров.

В то же самое время Людендорф утверждает, что время опоясывающих укреплений миновало и что впоследствии останутся необходимыми только полевые укрепления, которые приобретут характер растянутых на большое расстояние пограничных линий. Но ведь цель то современных укреплений, в соответствии с развитием тяжелой артиллерии, является не защита непосредственно фортов, а создание возможности, с помощью промежуточных батарей и авиации, именно получить растяну-

тость оборонительной линии и укрытий от авиации и газов, — всякого вида.

Если бы тот же Новогеоргиевск имел особо-тяжелую артиллерию, однотипную с подвешенной немцами, то борьба приобрела бы совершенно иной характер в состязании артиллерий, так как форт, сам по себе, даже хорошо укрытый и защищенный сверху, уже в последние перед войной 1914 года — 40-50 лет, носил характер только убежища для живой силы гарнизона, а вся оборона крепостного кольца сосредоточивалась на промежуточных батареях. Этот принцип проводился при создании **Варшавского Укрепленного Района**, когда восторжествовало мнение, что сам по себе укрепленный район послужит для концентрации ударных армейских групп, а крепости, между фортами которых будут установлены промежуточные батареи, — создадут опорные пункты, оставляя самим фортам значение убежищ. В России была допущена та колоссальная ошибка, что работы по возведению промежуточных батарей не были закончены и, конечно, значение крепостей, как таковых, было сведено к нулю. В Варшавской крепости этот принцип был взят в основу всей работы защиты, чего, конечно, Макензен не мог не знать, а потому в конце сентября 1914 года он и не решился атаковать Варшаву зная, что там воздвигнут был ряд промежуточных батарей, а форты служили лишь временными казармами.

Германская армия пользовалась особо-тяжелыми австрийскими гаубицами, имея только полевые гаубицы, но не имела и настильных дальнобойных орудий, как чрезвычайно важных для обстрела тылов, и только к концу 1916 года, по настоянию Императора Вильгельма, армия стала получать дальнобойные орудия с настильной стрельбой, взятые с кораблей, стоявших в бездействии.

Уинстон Черчилль также подчеркивает особую необходимость в тяжелой артиллерии. Вот, что он говорит во 2-ой части «Мировая война»:

— «Я очень интересовался судьбой огромной массы тяжелой артиллерии, которую я, как министр вооружений, заготовил во время прошлой войны. Это оружие, на изготовление которого требуется полтора года. Но для армии, как для наступления, так и для обороны, очень важно иметь в своем распоряжении большое количество батарей. Я вспоминаю борьбу, которую Ллойд-Джордж в 1914 году вел с военным министерством...». Дальше, в своем письме к премьер-министру от 10. 9. 1939 года он пишет: «...в экспедиционном корпусе больше всего недостает тяжелой артиллерии. Если окажется, что не хватает тяжелых батарей, то это вызовет справедливую критику»... И еще «В 1918 году организовал 2-12 дюйм. гаубицы...

они никогда не были использованы, но тогда

Х. Риттер в своей книге: «Критика Мировой войны» говорит определенно (стр. 51): «В 1-ю Мировую войну материальная часть тяжелой артиллерии была образцовой. Ее большая численность в начале войны давала перевес в решительных боях и была делом рук лично графа Шлиффена».

Достоин внимания в техническом (баллистическом) отношении тяготение немцев к навесной стрельбе, то есть к тяжелым полевым гаубицам и мортирам.

Во Франции центр тяжести лежал в выработке тяжелых образцов настильного огня.

И в конце автор признает безусловным, что (за исключением вооружения полевой артиллерии) германская армия вышла в бой с выдающейся тяжелой артиллерией.

Первые-же опыты войны заставили технику германской артиллерии пересмотреть действовавшие до того времени калибры. Она признала необходимость увеличения дальности. Были введены калибры: 10, 13 и 15 сант. Таким образом, длинные полевые тяжелые гаубицы и «длинная» мортира — являются уже порождением войны.

Старый опыт подтвердился и в войне 1914-18 г.г., то есть, что шрапнель постепенно исчезла, благодаря позиционной войне, а также в силу слабой обученности персонала (производств военного времени), а, кроме того, выделка дистанционных трубок потеряла свою точность — массовое и спешное производство, да хромала и калибровка снарядов.

Вернемся немного ко временам «доисторическим».

—0—

Начало основанию тяжелых батарей ведется еще с древних времен, когда и не мечтали о порохе и подобных ему взрывчатых веществах.

Тогда еще никто и не ставил себе задачу разрушить «город», то есть, те стены, что окружали сконцентрированное жилище людей, да и сама «оборона» ограничивалась земляными валами и рвами, но, так как в этих валах были оставляемы проходы, загороженные воротами (или рогатками), то целью нападающего и было уничтожение этих ворот.

Так как с усовершенствованием техники того времени люди научились строить «крепкие города», то есть загороди из крепкого материала (отсюда — крепости), то, естественно, что и старый, легкий тип ворот — выход из крепости — стал эволюционировать. А отсюда, автоматически, появилась необходимость в устройстве таких машин, как ТАРАНОВ, для действия которыми потребовались уже специальные приспособления.

Если осажденные бросали в осаждаемых

камни и даже бревна, то и эти последние имели равносильное желание перебросить извне, во внутрь города, — тоже большой камень, что было уже не под силу нормального человека, — значит, — потребовалась какая-то специальная машина. Уже праща Давида — есть прототип тяжелой артиллерии.

Таран — это длинное бревно, на конце которого, с течением практического применения, наклепывали бронзовую накладку, придавая ей иногда форму бараньей головы. Бревно это раскачивали сначала вручную и оно этой головой било в ворота, то есть разрушало их цельность. Осажденные, защищаясь, забрасывали входные ворота землей, фашинами с землей или камнями. Таранщики защищали себя деревянными или фашинными щитами.

Затем появилась «катапульта» — это простейший формы машина для перекидывания тяжелых камней с помощью туго накрученной веревки или воловьей жилы, но применялась она также и для пробивания «бреши» в воротах.

Таким образом, мы проследили прототипы орудий ударно-пробивного и перекидного действия. Таран — в сущности, орудие для действия «прямой наводкой».

Затем человеческий мозг, наблюдая, понял, что для сохранения направления — «устойчивости на полет» какого-то снаряда, необходимо заключить его в какую-то трубу, что, конечно, вытекает непосредственно из наблюдения подмеченного человеком явления: если выдуть горошину из тростниковой или соломенной трубки, то горошина летит дальше и правильнее, то есть сохраняет направление. Переход к новому способу оказался прост.

Человечество много веков применяло эти виды орудий, пока не был изобретен порох, но и с его появлением долго еще применялись и таран, и катапульта.

—0—

Цель всякого вида орудий артиллерии — выбросить из орудия максимального веса снаряд — на максимальную дальность.

Далее следуют разновидности качеств артиллерии, то есть, разрушение наземных укрытий убежищ, толстых слоев земли, укрепленных железными пластинами, балками, как деревянными, так и железными, перекрытия дерном комбинаций этих материалов. Появился бетон, железо-бетон, которому придавали плоскую или куполообразную форму. Наконец, как мы видели в Финляндии, на линии «Маннергейма», — поверх бетонных укрытий одевали толстые гуттаперчевые накладки (своеобразная броня).

Но, так как при стрельбе из орудий конеч-

ная часть траектории имела угол падения снаряда не больше 45 градусов, то, чтобы получить траекторию с большим углом падения (идеальный — 90 градусов), стали делать «МОРТИРЫ», а потом «ГАУБИЦЫ», позволявшие придавать больший угол падения снаряда.

Нападение и защита — всегда шли в прямой зависимости одна от другой. Равно также и во флоте: если во флоте появилось крупного калибра орудие, то и на берегу старались установить ему равнозначущее. Чем надежнее себя обеспечивала защита, тем яростнее нападающий стремился усилить средства своего нападения.

Эти вводные данные, может быть, будут интересны читателю, неподготовленному к познанию чисто-артиллерийского дела.

Можно еще дополнить, сказав, что в старое время снаряды-чугунные шары, выбрасывались из орудий (а из мортир — по несколько штук сразу) — цельные; с изобретением пороха они начинались порохом. Первые имели зажигательные свойства и назначение пробивания, а вторые — разрывались и поражали осколками.

Эффект разрыва снаряда легкой полевой пушки значительно разнится от разрыва снаряда крупного калибра и по разрушительным качествам, и по своему моральному эффекту. Снаряд крупного калибра (120 мм., 4, 6, 8, 9, 10, 12, 15 и 17 дюйм.) дает колоссальную разрушительную силу, обусловленную помимо веса заложенного в нем разрывного заряда и сортом взрывчатого вещества.

От примитивного способа зажигания фитилем подложенного под снаряд пороха, техника дошла до электрического запала и запала-радио.

От простой шарообразной формы чугунного снаряда, пройдя много стадий в смысле применения разной формы и металла, додумались до зажигательной трубки «на время» — дистанционной, с замедлением.

Ознакомив, более чем кратко, непосвященного читателя, а, может быть, и уже забывшего, с чисто артиллерийской техникой, постараюсь дать понятие об историческом развитии тяжелой артиллерии в Российской Армии.

Не только среди гражданских лиц, но в многих случаях и в военной среде, тяжелая артиллерия представлялась чем-то, именно, тяжелым, громоздким, неповоротливым, а когда непосвященным в тайны этого оружия удавалось видеть такую артиллерию в действии, то в них вызывало огромное недоумение: как это люди могли справляться с такими адскими машинами, изрыгающими мощные снаряды при колоссальном грохоте? А наблюдавшие их действие после разрыва снарядов приходили в ужас!..

Мне вспоминается, как ко мне на одну из батарей под Варшавой приехал один знакомый

старый офицер-артиллерист, лечившийся там в госпитале и попросил при случае показать действие и результат разрыва тяжелого снаряда. Проехали мы на мой право-фланговый наблюдательный пункт, около станции Влохи, что на линии Варшаво-Венской жел. дороги, где невдалеке стояла 6-ти дюйм. пушечная батарея. В это время как раз немцы разгружали что-то на станции Прушков. Батарея работала и вот он увидел, как один удачный снаряд попал в какой-то, видимо, вагон... И до этого уже было видно, что немцы отвели от станции несколько вагонов, а когда снаряд сделал свое дело, то вновь полетели вверх и в стороны какие-то обломки дерева, люди... и начался пожар. Кругом все окуталось желтовато-серой пылью, которая столбами разносилась в разные стороны...

«Какой ужас, какие жертвы!.. Какое страшное разрушение!..» твердил он, прикрывая ладонью лицо.

Да, не всякий обладал канатными нервами, чтобы переживать ужасающее впечатление. Ниже я приведу еще несколько примеров, из которых читателю будет понятно не только моральное впечатление, но и разрушительное действие тяжелой артиллерии. Но и мы подвергались тому-же со стороны противника. И не даром в пехоте и офицеры, и солдаты просто ликовали, когда мы появлялись с «уродливыми» машинами на том или ином участке фронта.

И вот, когда к началу 1917 года наша Российская Армия имела на фронте массу тяжелой артиллерии и смогла бы нанести германской и австрийской армиям страшный и поражающий разгром, — враги и внутренние, и внешние свалили Российскую Державу и ввергли Родину в пропасть дьявольских «свобод»!..

Маневрирование, вооружение и стрельба из тяжелых орудий — не были так сложны, как это казалось с первого взгляда, при обдуманной тренировке обслуживающего персонала. Конечно, для этого требовалось время и время, а также и упорное желание поставить это дело на должную высоту, чем всегда и отличалась наша славная русская артиллерия.

При общем незнакомстве с тяжелой артиллерией, привлечь молодых офицеров к службе в ней — было весьма неблагоприятной задачей для высших чинов артиллерийского ведомства. Только сознание необходимости иметь в армии тяжелую артиллерию, — вынудило некоторых лиц, стоящих во главе этого ведомства, принять срочные меры к улучшению офицерского состава в крепостной артиллерии.

Как ни странно, пропаганды в этом смысле не было никакой, но сама служба в ней и ре-

зультаты ее, впоследствии, сыграли огромную пропагандную роль и тогда, в среде офицеров-артиллеристов, отношение к ней изменилось на 180 градусов.

Правда, пионеры этого дела подвергались даже насмешкам со стороны своих однокашников-друзей, а общество наше, со свойственным ему безразличием, не осведомленное извне, также отрицательно относилось к тем «несчастливым», коих они видели на службе в крепостной артиллерии и в тяжелых дивизионах.

Но грянул гром, затрещали наши окопы и блиндажи под немецкими «чемоданами» и начались вопли по всему длиннейшему фронту: «дайте нам хоть одно тяжелое орудие!...»

А когда наша армия увидела силу разрушительного огня нашей тяжелой артиллерии, то не прошло и двух месяцев, как этих артиллерийских «пасынков» готовы были на руках носить, лишь бы они своим умелым огнем избавили от поражающего действия немецкой тяжелой артиллерии.

О том, как эти артиллерийские пасынки дошли до заслуженной славы и чести, будет рассказано в следующей главе.

Молодежи свойственны чувства лихости, удали и беззаветной храбрости, а, если к этому придать еще и соответствующую обстановку, то станет понятным, почему молодежь избегала служить в артиллерии, имевшей постоянную установку, то есть в крепостной артиллерии: береговой и сухопутной. Не понимая значения и сущности тяжелой артиллерии, молодежь стремилась попасть на службу в конную, а в худшем случае — в легкую, полевую.

До образования ездящих тяжелых дивизионов в русской армии были на вооружении только полевые мортирные дивизионы, о чем будет сказано ниже. Так как кучишие ученики артиллерийских училищ шли в конные батареи или в полевые артиллерийские бригады, то для более слабых оставалась лишь крепостная артиллерия. Между тем, лучшие юнкера, выйдя офицерами в конные батареи или в артиллерийские бригады со стоянкой в глухой провинции, скоро разочаровывались в своей однообразной службе. Действительно, пушку свою они знали отлично, знали выездку лошадей. В конной артиллерии было много отличных наездников, не уступавших лучшим кавалерийским офицерам. Но прогресса в науке не было. Предоставляю читателю судить о том разочаровании, которое постигало юношу живого, горевшего желанием и превращавшегося в старого поручика, потерявшего интерес к однообразной службе, а зачастую даже — и к жизни!.. А сколько таких приходилось мне встре-

чать, даже среди моих сверстников и однокашников по училищу!..

В данном случае я не говорю об офицерах, имевших счастье служить в столицах или в больших губернских городах, где жизнь была ключом, а вот те, которые попали хотя бы и в конные батареи или в полевые легкие, имевшие стоянки в захолустных местечках, — те, кроме своей батареи или офицерского собрания в каком-либо из близстоящих каваллерийских полков, — ничего больше не имели. Для чего эти юноши когда-то выбивались из сил, не досыпали, лишали себя права отпуска, «зубрили сугубую науку», желая обогнать своих товарищей?.. Для того, чтобы до чина подполковника забалить себя в маленьком и глухом местечке...

Но вот, около 1898-99 гг. грянул гром с ясного неба... Начальнику Главного Артиллерийского Управления ген.-лейт. Альтфатеру удалось провести давно задуманную им мысль: выпускать юнкеров из артиллерийских училищ в крепостную артиллерию, чтобы тем самым поднять образовательный уровень офицерского состава крепостных артиллерий. Конечно, г. г. юнкера артиллерийских училищ сочли себя «оскорбленными»: «выйти в офицеры крепостных артиллерий!... Туда до сих пор шли только из пехотных училищ»...

Как бы то ни было, но приказ оставался приказом и, когда в артиллерийские училища стали присылать по 40 вакансий в крепостные артиллерии (а там всегда был некомплет!), то, естественно, всем г. г. юнкерам, окончившим с конца, пришлось эти вакансии разбирать. Между тем, в пехотные училища продолжали посылать по несколько артиллерийских вакансий и даже — в полевую артиллерию, что вызывало крайнее недовольство среди юнкеров артиллеристов и даже одно время отзывалось на укомплектовании артиллерийских училищ, так как молодежь, кончавшая кадетские корпуса, стала избегать записываться в эти училища.

Возвращаясь к мысли ген. Альтфатера — поднять уровень знаний офицеров крепостных артиллерий, и обращившись назад в ту эпоху, когда в германской и австрийской армиях началось формирование тяжелой ездящей артиллерии, приходилось считать с предвидением в самом недалеком будущем образования у нас тоже тяжелой артиллерии, о чем хлопотал ген. Альтфатер, **но без соответствующей пропаганды, без намерения дать какие нибудь преимущества крепостным артиллеристам.**

Здесь не лишне сказать, что в крепостных артиллериях была должность «Заведывающего практическими занятиями», на которую назначался полковник-артиллерист с академическим образованием. На его обязанности было: обучение офицеров и солдат артиллерий-

скому делу, то есть — знание материальной части артиллерии, первоначальные исправления, вооружение батарей, знание стрельбы из всех орудий, бывших на вооружении крепости (!), техническая и образовательная подготовка фейерверкеров и выполнение мобилизационного плана. Впоследствии, по роду моей службы, мне довелось читать донесения этих академиков и даже частенько беседовать с ними на тему об артиллерийской подготовке персонала крепостных артиллерий. Как письменные, так и устные их отзывы — были печальны! Весь этот материал из года в год накапливался в Главном Артиллерийском Управлении и потом стало понятно, почему ген. Альтфатер не мог и не смел допускать указанного и столь важного пробела, особенно в связи с тем, что наши соседи — враги уже приступили к формированию тяжелой ездящей артиллерии **из состава крепостных артиллерий!..**

Я учился с сыновьями ген. Альтфатера (Борисом и Василием). Моя дружба с ними привела меня в их дом, где я и слышал неоднократно о желании их отца — генерала поднять на должную высоту офицерский состав крепостных артиллерий и **что начало этому делу уже положено.** Дальше, будучи офицером и вращаясь в артиллерийско-административных кругах, я знал и о проекте, осуществленном в недалеком будущем: — основания и у нас ездящих тяжелых дивизионов. Но наше ведомство всегда страдало отсутствием нужных кредитов. Потом и дальше, когда у нас появилась, не к добру будь помянута, Государственная Дума, то отпуска по Военно-Морскому ведомству, во главе которого стоял адмирал Григорович, — были предметом зависти других отделов военного ведомства.

Мы, одицеры-артиллеристы, знали, что у соседей уже существует ездящая тяжелая артиллерия, помимо крепостной, а мы имели только малограмотных тяжелых артиллеристов — недоучек. Наша высшая военная администрация, не сделав никакой рекламы, ни на иоту не подняла духа крепостных артиллеристов, особенно молодых; не сочла нужным для дела отпустить в запас старых капитанов, бывших в сущности просто ротными командирами, а не знатоками своего артиллерийского дела. Кроме того, та же администрация не показала и не доказала общественному мнению то громадное значение тяжелой артиллерии, которое в течение времени она сама, своим трудом, знаниями, рвением к службе и личными жертвами, — доказала, создав себе неуываемую славу.

Как в каждом темном пространстве есть где-то какая-то щелочка, в которую с трудом проникает луч света, так и в деле образования и формирования тяжелой артиллерии, как пе-

рерожденной из крепостной, — этот свет явился. Явился он из сознания отдельных молодых сил, понявших своевременно будущую колоссальную роль и значение тяжелой артиллерии. Эта молодежь, вначале в самом минимальном числе, пошла фанатически в темноту, без страха.

Для истории интересно сохранить имена этих самоотверженных юношей, портупей-юнкеров, старших фейерверкеров Михайловского артиллерийского училища: Матвеева и Шалфеева, вышедших в Варшавскую крепостную артиллерию и Агокаса, — в Кронштадтскую, впоследствии окончивших Михайловскую артиллерийскую академию, а затем — и пишущего эти строки. Конечно, — все они вызвали недоуменную сенсацию, но остались верными своей идее.

Генерала Альтфатера на посту начальника Гл. Артилл. Управления сменил ген. Кузьмин-Караваев, офицер конной артиллерии. Он продолжал программу своего предшественника — по организации тяжелых дивизионов и вот, в конце 1905 г. военным министром был одобрен проект формирования 5-ти Европейских и 2-х Сибирских тяжелых осадных дивизионов, а во время уже 1-ой Мировой войны, в 1915 году, был сформирован Л. Гв. Тяжелый Артилл. дивизион, когда к тому времени и осадные дивизионы были переформированы в тяжелые, нумерные дивизионы.

Первый опыт придания войскам тяжелой артиллерии в запряжках относится к стыку 1898-1899 годов, на больших маневрах войск Киевского военного округа, которым командовал тогда ген. М. И. Драгомиров.

Киевский осадный батальон, под командой полковника Александра Владимировича Шоколи, сформировал взвод 8-ми дюймовых легких мортир, поставленных на «жесткие» лафеты. Повозки с платформами и боевыми припасами были запряжены «вольнонаемными» лошадьми, так как Осадный батальон их не имел. Опыт показал возможность передвижения такой системы по проселочным дорогам и даже на короткие расстояния — по пахоте. Маневры закончились боевой стрельбой — атакой укрепленных позиций. Согласно старой тактике, артиллерия, произведя начальную огневую подготовку, то есть «потушив огонь противника», меняла позицию, которая по тем временам была исключительно открытой, на более близкую, с которой могла успешно произвести разрушение земляных укрытий.

Тяжелая артиллерия того времени, конечно, менять позиции не могла. Что же касается **полевой** тяжелой артиллерии, о коей упомяну-

то выше, то есть артиллерии крупного калибра, но могущей следовать за войсками по любой местности, то введение ее относится к 1888-1890 годам. Тогда еще не были забыты неудачи под Плевной, когда пехота, несмотря на всю свою доблесть, не могла овладеть почти не разрушенными укреплениями, ибо они не подвергались мало-мальски серьезной подготовке. И это понятно, так как полевая артиллерия имела на вооружении лишь бронзовые **легкие и батарейные пушки** образца 1867 года и калибра около 3,42 дюйма и 42 линейн., которые не смогли ни произвести больших повреждений укреплениям, ни подорвать духа их защитников.

Плевненские неудачи были учтены и в 80-х годах была введена на вооружение 6-ти дюймовая полевая мортира, на полужестком лафете системы генерала Энгельгардта. В начале отката орудия, станины лафета скользили по боевой оси, пока подвешенные к станинам две тумбы не становились своими подошвами на землю и не начинали с того момента принимать на себя дальнейший удар. Затем станины накатывались под действием резиновых буферов в нормальное положение. Накат орудия происходил иногда так энергично, что орудие выпрыгивало вперед и даже переворачивалось, но это обстоятельство никого не смущало, так как его быстро приводили в нормальное положение. Эта мортира имела 2 фугасных бомбы: пороховую (черного пороха) и пироксилиновую и шрапнель. Стрельба велась под углом большим 45 град. К сожалению, это орудие не отличалось большой меткостью.

Следующий опыт придания тяжелой артиллерии полевым войскам был произведен в 1903 году на Рембертовском полигоне, под Варшавой. Этим опытом руководил Гв. полковник Януарий Федорович Карпов, — впоследствии начальник артиллерии крепости Новогеоргиевск. При этом опыте, орудия были взяты от Варшавской крепостной артиллерии (со специальными деревянными платформами), а Л. Гв. 3-я артиллерийская бригада дала свои запряжки. Тогда же был испытан прибор, называемый «башмаками», одевавшимся на колеса для уменьшения увязаемости в грунт.

В тот год на Рембертовском полигоне, после продолжительных маневров, была произведена боевая стрельба из: 42-х линейных и 6-ти дюймовых орудий и из 8-ми дюймовых мортир. Как самый маневр, так и боевая стрельба прошли отлично и даже — превзошли все ожидания.

Батареи меняли свои позиции без особого труда, так как были применены «башмаки», о

которых будет сказано ниже, а главное — за 3-4 года офицерский состав **был обновлен выпуском офицеров из специальных артиллерийских училищ:** Михайловского и Константиновского, что, естественно, в значительной степени отразилось на всей работе батарей Варшавской крепостной артиллерии. В виду тяжести всей системы орудий, предполагалось впрягать от 10 до 12 лошадей в одно орудие, но, применяя «башмаки», достаточно было и 8 лошадей.

Такой же самый маневр был повторен в 1907 году, но в большем масштабе. В нем участвовал уже полностью 2-й Осадный артилл. дивизион из г. Брест-Литовска, на том же Рембертовском полигоне. Осадный дивизион сделал переход из Брест-Литовска в Варшаву своими средствами передвижения, причем, идя по шоссейным дорогам, «башмаков» не применял.

«Башмак» — это ряд деревянных, окованных железом, пластин — 10 x 30 x 50 дюйм, или просто железных пластин, связанных между собою удлиненного вида звеньями цепи. Эти пластины укладывались по наружному обводу колеса (шины) лафета и передка, на стыке скреплялись особого вида ключами. Благодаря им большого оседания колеса в грунт не было, но в мягком и мокром грунте они не были особенно практичны, так как, оборачиваясь вместе с колесом, они поднимали с собою одновременно и комья мягкого грунта. Являясь прототипом **гусеницы**, «башмак» нес все-же свою службу.

Такой же способ передвижения тяжелой артиллерии был применен в Русско-Японскую войну, когда в районах ст. Дашичао, под Ляояном и Мукденом работал Восточно-Сибирский Осадный артилл. дивизион, сформированный из Киевского, с придачей батарей, выделенных из состава Владивостокской Крепостной артиллерии, а также и подвезенных из Варшавской. Командиром Восточно-Сибирского Осадного полка был полковник Голяховский.

Там впервые наша тяжелая артиллерия **применяла стрельбу по невидимой цели.**

Для старых крепостных артиллеристов стрельба эта казалась каким-то чудодейственным фокусом, а были среди них и такие, которые ушли со службы, не уразумев сей премудрости.

Осадные артиллерийские дивизионы, начало формирования которых относится к 1906 году, имели три пушечных батареи: 2 — 42-х линейного калибра и 1 — 6-тидюймовая. Им были приданы: служба связи и прожекторное отделение.

В Петербурге была открыта специальная

электро-техническая школа, где офицеры изучали разного вида и мощности прожекторы (приводы электрической энергии и технические манипуляции), телеграф и телефоны. Офицеры, окончившие эту школу, получали назначения и по артиллерийскому ведомству. Они назначались начальниками команд, их помощниками и начальниками службы связи.

Лошадей получали по одной упряжке на батарею, что временно было достаточным для подготовки ездовых, ибо можно было начать выездку и проездку по-орудийно. Амуницией дивизионы были укомплектованы полностью. Для передвижения вся система была очень сложна. По расчетам Главного Артиллерийского Управления, каждое орудие с передком требовало 10 лошадей: в первом уносе 2, а во втором и третьем — по 4. Для каждого орудия потребовалась разборная деревянная платформа, которая при тщательной укладке требовала 8 лошадей. Вся остальная принадлежность укладывалась на одной парной повозке.

Для возки снарядов были также, специальной формы, повозки в которые укладывались ящики со снарядами, по 6 снарядов в каждом. Каждая такая повозка возилась четверкой лошадей. Прожекторное отделение требовало большого числа запряжек, а потому весь дивизион, полностью запряженный, на походе растягивался до одной версты.

Будучи участником большой военной игры в 1913 году, бывшей при штабе Варшавского военного округа, с этими дистанциями мне пришлось столкнуться. Мне были поручены все расчеты по эшелонированию артиллерии, вообще, при проектировании нашего наступления на Торн и Кенигсберг. Там я познакомился с генералами: Жилинским, Янушкевичем, Брусиловым, Клюевым, Самсоновым, Постовским и др. Говорить и останавливаться на этой военной и весьма важной игре — сейчас не приходится.

Осадные артиллерийские дивизионы просуществовали вплоть до создания тяжелых артиллерийских дивизионов, развернувшихся при мобилизации в тяжелые бригады и влившихся в полевые войска.

Вскоре после начала формирования осадных дивизионов, примерно около 1910 года, началось уничтожение ряда крепостей, вызванное, как тогда говорилось, заключением «торгового договора» с Германией, которая потребовала уничтожения ряда крепостей: Варшавской, Брест-Литовска, Зегржа, Иваногорода, Ломжи. По каким то причинам удалось остоять Новогеоргиевск!

Во всяком случае, так называемый Варшавский Укрепленный район перестал существовать.

К этому времени относится и окончатель-

ный переход в нашей артиллерии от черного (дымного) пороха к бездымному, и Главное Артилл. Управление предписало черный порох уничтожить, применив его частью для подрывных работ по уничтожению крепостей. В поименованных крепостях должны были быть уничтожены все ново-построенные бетонные форты (номерные).

Маленькая крепость Зегра была миниатюрная, по типу новейших построек. Прекрасно расположенная на р. Буг, в красивой местности, вся бетонированная, красивая как игрушка, она тоже кончила свое существование.

Надо сказать, что в середине 90-х годов прошлого столетия Укрепленный район подвергался самой разнообразной критике. Часть военных специалистов, основываясь на действиях соседей, считала, что он безусловно необходим, а другая — находила не полезным вносить полевым войскам «паническое» настроение, укрывая их под защитой крепостей. Полемика в военной литературе, на тактических и стратегических играх в штабах Округов, была весьма яростная, но все же одержало верх мнение стоявших за такой широкий плацдарм.

Вопрос о создании ездящей тяжелой артиллерии, несмотря на то, что таковая уже зародилась к тому времени в Германии, был оставлен. Закипела работа по возведению бетонных укрытий. Возводились форты, устанавливались тяжелые орудия. Это вызвало увеличение количества призывных молодых солдат на службу в крепостных артиллериях.

Больше того: в связи с образованием Варшавского Укрепленного Района **были сформированы крепостные пехотные полки**. На этом тоже приходится, хоть вкратце, остановиться, так как эти полки составляли с крепостной артиллерией одно, единое целое. Они входили в составную часть крепостных гарнизонов. Учение, постоянные маневры возле своих крепостей дали возможность этого, специального рода, пехотным частям досконально узнать и изучить крепостные районы и все возможные к ним доступы. Полки эти были регулярные, сформированные по общим принципам полевых войск, а по качеству и обучению — были во много раз выше гарнизонов германских крепостей. И если германские гарнизоны сыграли большую роль, будучи поставлены между полевыми войсками (бои в Вост. Пруссии 1914-1915 гг.), то спрашивается — какую бы громадную роль сыграли бы наши крепостные полки, имевшие отличную выучку!... Но они были упразднены одновременно с упраздненными крепостями.

Возвращаясь к постройке фортов по тогдашнему последнему слову техники, приходится особенно подчеркнуть громадную допущенную ошибку того времени. Что, собственно, пред-

ставлял форт, сам по себе?.. Ограниченная часть пространства в 150-200 погонных метров по каждой из пяти фасов форта, с длинной замыкающей задней стороной — горжей, имевшей один или два прохода. Это — типичный форт. Горная местность меняла форму периметра форта. Стороны полигона представляли из себя земляные валы, впереди которых был ров (иногда — водяной), а перед ним — гласис. В сущности говоря, тот же тип полевых укреплений, только усиленного размера. С внутренней стороны, под главным валом, делались казармы из кирпича. В главных валах отрывали площадки для установки орудий. С расширением техники валы бетонировали, а также и площадки для орудий. Потом стали применять (в береговых крепостях) бетонные и железные башни для орудий, с амбразурами, но это уже был верх техники, куда можно отнести и скрывающиеся лафеты, — т. е. после выстрела орудие, при помощи системы рычагов, опускалось с вала (или башни). Такой тип устройства фортов существовал в Германии, Австрии, во Франции и у нас. Форты строились по двум кольцевым линиям (иногда и три), имея в центре — цитадель.

Форты в Бельгии не имели промежуточных батарей. Немцы обходили форты, не считаясь с ними. Крепость Новогеоргиевск была (почти) в таком же состоянии и была взята на 10-ый день после ее обложения. Варшава имела промежуточные узлы и батареи. В 1914 году Макензен не рискнул их атаковать. В 1918 году, осенью, были установлены промежуточные батареи в Германии и во Франции. Это — показательно...

Если бы крепость Верден (как исключение в свое время) не имела промежуточных батарей, она была бы обойдена или просто взята немцами после первых же боев, а между тем там немцы положили сотни тысяч людей.

А вспомним гениального защитника Порт-Артура: генерала Кондратенко!.. Если бы его трудами не были возведены промежуточные батареи и люнеты, — крепость пала бы много раньше!.. И еще тогда он показал значение промежуточных укреплений...

Мне привелось видеть фотографические снимки Верденских фортов с их внутренней стороны. Бетонные казармы почти полностью разрушены и под остатками бетонных перекрытий французы устроили кладбище. Франция имела много тяжелой артиллерии и могла между фортами установить батареи, а все поле впереди фортов и, вообще, кругом фортов Вердена было буквально усеяно воронками от разрывов немецкой тяжелой артиллерии.

Наши крепости были богаты тяжелой артиллерией (правда, не особо-тяжелой), но, к глубокому сожалению, ни в одном нашем мо-

биллизационном плане не говорилось об устройстве промежуточных батарей и узлов, без которых линия фортов теряла всякое свое значение. В мобилизационном плане была предусмотрена постройка тяжелых батарей на самих фортах, а не было инициативы устройства промежуточных батарей, что и сыграло главную роль в защите этих крепостей.

Наша маленькая крепость — Осовец, защищенная с фронта рекой Наревом и болотами, не имевшая ряда промежуточных батарей (начальник артиллерии — полковник Рябинин) долго служила бельмом на глазу германского командования.

Мне, по роду службы, было известно, что план мобилизации Варшавской крепости не предусматривал места поправки большого числа тяжелых орудий, имевшихся там; довелось как-то спросить полковника Я. Ф. Карпова, артиллериста-академика, куда он думает их поставить, на что он мне ответил: «Это мое дело». Я — проглотил.

Перед самой войной 1914 года он был назначен начальником артиллерии крепости Ново-георгиевск, а я получил командование самой ответственной частью артиллерии обороны, сектор: от дириктриссы 5-го форта, Радомское шоссе, Варшаво-Венскую жел. дорогу и Варшаво-Калишскую ж. д.

По своей инициативе, с помощью начальника инженеров Варшавской крепости ген.-майора Чернявского, я начал постройку промежуточных батарей.

В мобилизационном плане говорилось единственно о вооружении фортов — это установка клиновых и старых поршневых пушек на фортах против возможного отбития штурма.

После 1906 года, когда в военной литературе поднялся вопрос об устройстве всякого рода гнезд-укрытий и гнезд сопротивления, доказавших во время Русско-Японской войны свою ценность, наши крепости вынуждены были применить их, что и было исполнено теми же крепостными полками... но их уничтожили!... А когда в 1914 году дошло до расчета, так разрушенные форты начал частично восстанавливать!..

На мое требование, как начальника артиллерийской обороны 2-го Отдела, две Ополченские дружины: Вятская и Тамбовская нарыли такие промежуточные укрепления, что надо было только подивиться... Ими воспользовались Сибирские стрелки и части корпуса ген. Алиева. Вот такие эволюции переживала наша тяжелая артиллерия до начала войны 1914 года.

К этому времени немцы имели в своей армии 2000 тяжелых ездящих орудия, а мы... 84.

Началась паника! Конечно, обратились к крепостям... Там стали искать счастья... перестраивать дивизионы в тяжелые бригады и пришли к заключению, что крепостные артиллеристы могут что-то дать!

Развернув тяжелые дивизионы, получили 250 тяжелых орудий, а немцы тоже развернули свои дивизионы. Теперь извольте проделать арифметику!..

Возвращаясь к началу настоящей заметки, невольно вспоминается заслуга генерала Альтфатера, желавшего влить в ряды офицерского состава крепостных артиллерий молодежь, прошедшую основательный подготовительный курс, а вскоре настоянием Вел. Кн. Сергея Михайловича, было основано и Сергиевское артиллерийское училище в Одессе, специально для тяжелой артиллерии.

Строго рассматривая вопрос о знаниях офицера крепостной артиллерии, надо справедливо отдать им должное — они были универсальными артиллеристами.

При постройке дела, как это, например, имело место в Варшаве у ген. Миончинского (начальника артиллерии крепости), — молодые офицеры через два-три года пребывания в строю, делали специалистами, знали не только одну пушку, один калибр, а до **полутора десятка** орудий разнообразных типов (об этом будет сказано ниже подробнее). Они знали стрельбу из пушек, мортир и гаубиц. Старшие офицеры приучались к командованию группами батарей, куда входили и пушки, и мортиры. Кроме того, они знали огромное разнообразие снарядов, зарядов и порохов и приучались к их применению. По годичном окончании лучшие ученики учебной команды, молодые фейерверкеры, знали **практически** свое дело не хуже офицера, выпущенного из артиллерийского училища.

Вот перечисление образцов орудий, бывших на вооружении крепостей: 3-х дюймовая полевая пушка, с поршневым затвором; 3-х дюймовая пушка образца 1900-1902 г. — скорострельная; 42-мм линейная, Обуховского завода, крепостного типа; 6-ти дюймовая пушка Шнейдера, скорострельная; 6-ти дюймовая мортира крепостная; 8-ми дюймовая мортира крепостная; пулемет системы Максима; ракетные станки. — Береговые крепости имели на вооружении также и орудия, по своим калибрам соответствующие установкам во флоте.

Теперь читателю должно быть ясно, насколько офицер крепостной артиллерии должен был работать и учиться, чтобы в любое время и при всяких обстоятельствах уметь командовать батареями всех приведенных типов орудий.

Когда немцы стали «чемоданить» нашу блестящую пехоту, то начальники дивизий завопили: «пошлите нам хоть одну тяжелую батарею!»

Это вопль раздавался по всему фронту, от крайнего севера до юга.

Командующие армиями и фронтами забросали Ставку Верховного Главнокомандующего, а оттуда полетели телеграммы в Петербург.

Главное Артиллерийское Управление на первых порах растерялось, а спустя месяц вспомнило о существовании крепостных артиллерий, которые могли дать орудия, пока не справятся с этой задачей наши заводы, или не придут орудия от «союзников».

И крепостная артиллерия сделала свое дело!

Какие крепости могли дать орудия?.. Береговые: Кронштадт, Свеаборг, Севастополь, Либава, Батум, Владивосток — они сами вооружались и там орудия были все на учете, так как они должны были поддерживать наш флот, бывший значительно слабее, чем у противников. Сухопутные: Новогеоргиевск, Брест-Литовск, Осовец, Ковно, Гродно — им приказано было составить оборонительную линию, впереди которой наши полевые армии уже вели борьбу с неприятелем. На Кавказе — Карс, Ахалцых (укрепление), Ахалкалаки (укрепление), частично — Батум. Но эти крепости и крепостцы, при малочисленности войск на Кавказском фронте, должны были быть в постоянной готовности поддерживать полевые армии. По реке Висле: Варшава и Ивангород. Их значение было так умалено, что, как говорится, на них ставили «крест».

Но вот Ивангород нашел своего героя в лице генерала Шварца, воздвигшего из руин настолько сильные укрепления, что даже сами немцы в своих донесениях указывали на Ивангород, как на «сильно укрепленную позицию».

Варшава имела много орудий и, так как она не знала, куда их применить и где, то она первая дал 12 орудий, и был сформирован тяжелый дивизион, получивший наименование: «Варшавский».

Около середины октября 1914 года и Выборгская крепостная артиллерия прислала в Варшаву 12 орудий, из которых был сформирован «Выборгский» тяжелый дивизион.

И, как ни странно, но и Новогеоргиевск выделил 12 орудий на формирование такого-же дивизиона.

Все эти три тяжелых дивизиона были сформированы лично мною, о чем имеется запись в моем послужном списке, и за что мною была получена награда.

Восстановление Варшавских укреплений — ссть предмет моего отдельного труда.

Крепость Зегрж не была даже и частично

восстановлена перед и во время 1-ой Мировой войны, а все другие крепости с первых дней мобилизации начали «поправлять» разрушенное и им на помощь были придаваемы инженерные части.

Такие крепости как Осовец, Ивангород и Варшава огнем своих батарей помогали полевым войскам и, если бы не общее положение на фронте, то они и дальше продолжали бы свою работу.

Что касается тяжелых дивизионов, вновь сформированных, то они первоначально работали на реках Бзуре и Равке. Появление их на фронте вызвало большую радость в полевых войсках и они с честью выдержали первое испытание.

Вспоминается мне случай, когда молодой штабс-капитан Борис Ключарев Варшавского дивизиона привез ночью одно 42-х линейное орудие к пехотным окопам, а когда чуть рассветло — открыл огонь по немецким пулеметным гнездам (на Бзуре), поражавшим наши позиции. Гнезда были полностью уничтожены. Конечно, немцы потом тоже ответили. Но это орудие не было повреждено и на следующую ночь он его вывез невредимым. К весне 1915 года на нашем фронте появились 6-ти дюймовые пушки Канэ. Сложность и громоздкость установок этих орудий была впоследствии учтена при организации ТАОН-а, то есть **тяжелой артиллерии особого назначения**. Это — стратегическая артиллерийская группа тяжелых батарей, во главе которой был поставлен ген.-лейт. Шейдеман, артиллерист-академик.

Вместе с тем продолжали формировать и дальше тяжелые батареи, из коих Новогеоргиевский тяжелый дивизион участвовал в осаде Перемышля.

Мне довелось потом видеть работу молодых дивизионов на Бзуре и Равке. Какая была разница между теми, которые пришли на формирование, и после их боевой работы!.. Из робких и не уверенных еще в себе они превратились в обстреленных и побывавших в тяжелых боях. Практика на фронте показала им, как они могли упростить систему перевозки и постановки орудий на позициях. За каких-нибудь шесть месяцев работы на фронте молодые офицеры и фейерверкеры преобразовались в испытанных бойцов. Появилась уверенность, спокойствие в работе, а смелость и порыв остались те же.

Первоначальный опыт формирования тяжелых дивизионов и высокое значение их появления на фронте указало Главному Артиллерийскому Управлению на необходимость поставить эти формирования систематически и рационально, а потому в начале 1915 года в Царском Селе была учреждена Запасная Тяжелая Артиллерийская бригада, командующим кото-

рой был назначен молодой генерал, академик-артиллерист, ген.-майор Фонштейн. Орудия поступали к нему в бригаду из-за границы и с наших заводов.

Между прочим, имевшиеся 6-ти ддйм. пушки Канэ, с мощным снарядом и с дальностью до 15-16 километров, были приспособлены для передвижения на тракторах и на жел.-дорожных платформах.

Работа Западной Тяжелой Бригады, под исключительно умелым руководством генерала Фонштейна круглыми сутками, дала нашей армии многочисленную тяжелую артиллерию, то есть на столько, что, когда в 1917 году перебросили мой тяжелый дивизион в Галицию, в район: Трестянец-Бржезаны, то с большим трудом удалось найти место для моего тракторного парка.

Можно думать, что местом стоянки Западной Тяжелой бригады — Царское Село было избрано по двум основаниям: освободились большие казармы, и то, что в Царском Селе помещалась Офицерская Артиллерийская Школа, персонал которой был и предназначен и для обучения новоприбывающих офицеров и солдат, назначенных в специальные батареи. Постоянный состав этой бригады был очень малый, но переменный, доходил иногда до многих сот младших офицеров и до сотни старших — предназначенных на занятие должности командира батареи. Готовые батареи там не задерживались, а срочно отправлялись на фронт. Правда, бывали задержки, но это происходило потому, что для некоторых батарей не аккуратно приходили части из-за границы, посылаемые через Архангельский порт.

Интересно отметить то обстоятельство, что офицеры конной и полевой артиллерий **стремились теперь попасть в эту бригаду**, чтобы получить в командование тяжелую батарею. Это только лишний раз подтверждает мысли, сказанные мною раньше.

Сама жизнь, сама служба в военное время показала преимущества тяжелой артиллерии, и потому и понятно, что в Царском Селе я встретил большое число офицеров полевой артиллерии. С некоторыми из них, как со сверстниками, мы там вспоминали наши старые разгворы по этому вопросу в училище. Теперь они все восхищались работой тяжелой артиллерии на фронте и радовались, что и им удастся попасть на эту службу.

На первый взгляд, какой громоздкой машиной кажется двух-орудийная батарея, например, 12-ти ддйм. гаубиц Виккерса, на жел. дорожных платформах, а когда познакомишься поближе, да понаблюдаешь за стройностью работы каждого орудия, то... сердце радуется!..

А 11-ти ддйм. гаубицы, 10-ти ддйм. мортиры, — приспособленные для перевозки тракто-

рами (гусеничными)!..

Одна неприятность — быть с ними на фронте соседом: спать не дадут... Под выстрелы моих 120 миллим. орудий мы, очередные «спать» — спали отлично, а под выстрелами тех — невозможно...

При Запасной Тяжелой Бригаде была специальная тракторная школа, которую обязаны были окончить все офицеры и старш. фейерверкера (по уменьшенной программе).

Все тракторные батареи были отлично снабжены: легковыми машинами, мотоциклами (часть из них — с прицепной коляской). Для заведывания **восемью машинами** назначался отдельный, специальный офицер-техник, которому в помощь придавался военный чиновник — технический мастер.

Всем офицерам и фейерверкерам давалось по верховой лошади. Команда разведчиков и телефонистов имела 40 верховых лошадей.

Для возки снарядов, непосредственно с батарей, — 8 трехтонных грузовиков, для горючего — 2 цистерны (5 и 3 тонны).

Командиру батареи — отдельная легковая машина, а для всех других офицеров — 2 автомобиля.

С уверенностью можно и должно сказать, что такого богатого оборудования не имела ни одна армия!..

Описание значения и развития тяжелой артиллерии было-бы не полным, если не сказать (хотя-бы коротко!) о ее работе, а работа эта имела свой специфический характер.

Значение тяжелой артиллерии не может ограничиться лишь описанием технического и административного характера, так как только знакомство с ее баллистической стороной может показать ее истинное значение. Мало иметь технически и административно прекрасные батареи, но надо иметь умение ими пользоваться. Большие дальности, достигнутые мощными орудиями, требуют особого умения управлять их огнем, что тогда уже было связано с умением пользоваться и авиацией.

Приведу два примера из своей практики.

Когда в январе 1915 года я был назначен начальником воздушной обороны г. Варшавы и ее окрестностей, то помимо присланных мне 48-ми линейных скорострельных пушек на тумбе из Кронштадта, я получил в свое распоряжение авиационный отряд (3 машины) ротмистра Воеводского, с которым и работал, а без этого отряда моя работа не имела бы того успеха: с тех пор ни один немецкий аэроплан над Варшавой не пролетал, а перед этим один такой налет в воскресенье, при выходе народа из собора, принес массу человеческих жертв.

Также мне пришлось работать с летчиками французами в Галиции.

Как ни была проста и горизонтальна местность, но вести наблюдение за разрывами своих снарядов на расстоянии 14-16 километров, без корректуры с воздуха, — тяжелая задача... а, попав в гористую и пересеченную местность, покрытую лесом, — и просто бессмысленная... Нашим двум соседним тракторным дивизионам придали два отряда французских летчиков, по три машины в каждом. Таким образом, офицеру-артиллеристу пришлось отделиться от земли и учиться наблюдать с воздуха. Правда, офицеры, бывшие уже на фронте, имели в этом отношении кое-какую практику, то есть они уже вели наблюдение, по очереди, с «колбасы», то есть с баллона, сидя в привязанной к

нему корзинке. Эти наблюдения были иногда настоящей пыткой: почти все возвращались оттуда как перенесшие тяжелую морскую болезнь. Вообще говоря, техника совместной работы тяжелой артиллерии с авиацией — имеет большой интерес, но это не входит в программу настоящего очерка.

Если бы своевременно были приняты все те организационные меры, которые с таким трудом проводились в течение 15 лет (с 1902-1917 г.г.), то никогда Германия не осмелилась-бы выступить против России, и история России пошла бы иначе, и Россия не была-бы брошена на колени перед революционными партиями, свергнувшими ее в объятия коммунизма.

Павел Николаевич Чижов

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В № 54 «ВОЕННОЙ БЫЛИ» за май 1962 года, в заметке С. Андоленко «Вопросы и ответы», сказано, что на формирование 49 драгунского Архангелогородского полка не было передано эскадрона из 37 драгунского Военного Ордена полка. Это неверно, так как: 12 сентября 1895 года, в Ново-Борисове Минской губернии сформирован его первым командиром полковником Григорковым 49 драгунский Архангелогородский полк, на формирование коего поступили по одному эскадрону от полков: 25 драгунского Казанского, 28 драгунского Новгородского, 31 драгунского Рижского, 37 драгунского Военного Ордена, 40 драгунского Малороссийского и 43 драгунского Тверского. 6 декабря 1907 года полк этот переименован в 19 драгунский Архангелогородский. Сведения эти подтверждает в своем труде и В. В. Звегинцов.

В дополнение к пожалованиям иностранными знаками отличия, сообщая, что по случаю празднования 25-летия Шефства Императрицы Марии Александровны, 19 февраля 1880 года, лейб-гвардии Кирасирскому Ее Величества полку пожалован Великим Герцогом Александром Гессен-Дармштадтским Орденом Филиппа Великодушного, причем, Герцог выразил желание, чтобы знак этот всегда оставался в полку принадлежностью вахмистра эскадрона Ее Величества. Приказом по полку от 12 марта

1880 года, его получил вахмистр эскадрона Ее Величества Иван Москвин. Затем, знак перешел вахмистру Токаренко и, наконец, к последнему вахмистру мирного времени Ивану Климентьевичу Кваскому.

Полковник И. Рубец

ОТ РЕДАКЦИИ

В № 57 «ВОЕННОЙ БЫЛИ», в статье В. Альмендингера «Гибель 2-го батальона Симферопольского Офицерского полка», по недосмотру Редакции, выпущено:

Примечание автора: Кроме указанных в статье источников (лиц) мною была использована «Памятная записка к истории Симферопольского Офицерского полка», составленная полк. Стольниковым и мною в бытность в Болгарии в 1921-1922 году и находящаяся в настоящее время у меня. Все даты в статье указаны по старому стилю.

Источники:

- 1). «Перекличка» Нью-Йорк, №№ 116 и 121.
- 2). Устный рассказ подполковника Л. Я. Амасийского, выпуска 12 ихля 1914 г. из Павловского военного училища.
- 3). К. Попов. «Воспоминания Кавказского Гренадера» 1914-1920. Белград. 1925.
- 4). Лейб-Эриванцы в Великой войне. Материалы для истории полка под редакцией К. Попова. Париж 1959.

Забутые отличия

Не лишено интереса вспомнить об особых отличиях, пожалованных лейб-гв. Преображенскому полку его Державным Основателем. С течением времени, отличия эти, незаметно, были отняты у полка, и о них не упоминает ни один историк.

Звание капитана и полковника.

Император Петр нес в полку действительную службу и, нередко, в его рядах бывал под пулями. В 1693 году он исполнял в нем должность барабанщика, в память чего, на перевязь барабанщиков и горнистов лейб-гв. Преображенского полка был дан гвардейский басон. В 1691 году он числился сержантом, а в 1696 году, в Азовском походе, командовал 3-ей ротой полка, действовавшей на судах. Впоследствии, чины 3-й роты составляли команду полкового катера, носившую на погонах вензель Петра I. Впрочем, отличие это было затем распространено и на другие полки, хотя также доблестно дравшиеся на море, в Петровские времена, но не имевшие счастья видеть Петра в числе своих капитанов.

В 1700 году, Царь принял звание капитана Бомбардирской роты Преображенского полка а в 1706 году — полковника полка. Иметь своим полковником самого Царя было исключительным отличием только Преображенского полка. По примеру Петра, Екатерина I и Петр II принимали звание полковника Преображенцев. Только Анна Иоанновна изменила этот обычай. Она тоже приняла звание полковника Преображенского полка 23 января 1730 года, но уже 23 июля того же года она стала полковником Конной Гвардии, в декабре 1731 г. — Семеновского полка, и наконец, 15 августа 1735 г. — Измайловского. Таким образом, преображенцы потеряли существенную привилегию **одним** иметь своим полковником Царствующего Государя.

Император Павел I, как будто бы, вернулся к этой Петровской традиции. Хотя 7 ноября 1796 года он и принял звание полковника и Шефа гвардейских полков, но уже через несколько дней, Семеновцы получили Шефом Вел. Князя Александра Павловича, Измайловцы — Константина Павловича, а Конная Гвардия — Николая Павловича. В 1880 году, Измайловцы и Конногвардейцы поменялись шефами.

Когда, в 1800 году, все полки были названы по шефам, только Преображенский полк был назван — «лейб-гвардии Его Императорского Величества полком». По вступлении на престол Императора Александра I, этот Государь, по прежнему, принял на себя звание Шефа всех гвардейских полков.

Состав полка.

Создавая регулярное войско, Петр немало заимствовал в других европейских армиях. В те времена, военный тон в Европе задавала французская армия. В ней было принято, что лучшие и старейшие полки имели большее число батальонов противу других. Эту особенность Петр ввел и в Русской армии, дав только Преображенскому полку **существенное отличие** **ОДНОМУ** состоять из 4-х батальонов. Семеновский, Ингерманландский и Астраханский полки, входившие в «Царскую дивизию», имели по три батальона, все-же остальные полки были состава двухбатальонного.

В продолжении всего XVIII века, это отличие было сохранено полку, который всегда был значительно сильнее других. Так, в 1798 г., в Преображенском полку состояло 4615 человек а в Семеновском и Измайловском по 2248.

Это отличие было отменено Императором Александром I в 1811 году. В этом году, 2-й батальон был целиком отчислен от полка на формирование лейб-гв. Литовского полка (впоследствии лейб-гв. Литовский и Московский полки). В полку он заменен не был, 4-й батальон переименован во второй, и полк был приведен в состав трех батальонов, как и все остальные гвардейские полки.

Наконец, отметим, что, когда в 1910 году Преображенскому и Семеновскому полкам были даны нагрудные офицерские знаки типа Петровских времен, то на знаках офицеров роты Его Величества лейб-гв. Преображенского полка была установлена надпись: «1741 НО 25», данная в воспоминание того, что Гренадерская рота возвела Императрицу Елисавету Петровну на Престол. Это единственное отличие данной воинской части Русской Армии за государственную заслугу.

С. Андоленко

КОЛБАСА

1914 года. Мобилизация...

Как на парад, в первосрочном обмундировании, с лихими песнями, вытянулась в оружейной колонне 2-я Кавказская конно-горная батарея по дороге на вокзал на погрузку... на фронт. В Александрополе, стоянке дивизиона, осталась лишь хозяйственная часть: я, как заведывающий хозяйством батареи, пор. Скимунт — делопроизводитель, писаря. Нам надлежало принять людское и конское пополнение и сформировать 2-й эшелон — 12 зарядных ящиков и обоз.

Вскоре пришли люди — это были поголовно армяне, хотя и служившие на действительной службе в кавалерии, но теперь отяжелевшие и немолодые — для обоза сойдут, но ящики не обоз!

Не успел я присмотреться к людям, как меня уже ожидал сюрприз: пришли лошади... Лошади! мелкие, жидкие, местных пород, никогда не ходившие в запряжке. Ну как запречь ящики? И седла, и хомуты были слишком велики, а будущие ездовые — громоздки.

Но долго раздумывать не пришлось — начали запрягать и кое-как ко дню выступления, уже без песен, тронулись на вокзал. Наш «поход» был сплошным мученьем, так как постоянно то один, то другой ящик останавливался, чтобы распутать застрявших в постромках лошадей.

На мое счастье среди пришедших людей оказался один хохол, младший фейерверкер, которого я назначил вахмистром.

Отличный солдат, с его помощью погрузились в поезд и двинулись в путь.

Недели через две без всяких приключений эшелон пирбыл в город Лодзь, где нас ожидало приказание выгрузиться в местечке Пабианницы.

Наш поезд был отведен на запасный путь, ящики и лошади выгружены, люди оставались в вагонах.

Никаких сведений о том, что происходит впереди... Мирное житие...

Пользуясь этим, начал приводить в воинс-

кий вид полученный мною «материал» без всякой надежды создать «образ и подобие» конно-артиллерийской части.

Так шел день за днем без всякого впечатления что мы на фронте...

И вдруг! Как-то рано утром в купе вагона, где мы с поручиком Скимунт мирно спали, является мой вестовой.

— Ваше Бл-ие, Ваше Бл-дие!

— Чего тебе?

— А над нами колбаса стоит.

— Какая колбаса? не разобрав с просонья в чем дело, спросил я.

— Да так, колбаса, да и все.

— А стоит-то давно?

— Так что приблизительно давно.

— Ах вы дурьи головы, чего же вы мне раньше не доложили?

— А чего же, Ваше Бл-дие, докладывать коли она без последствий.

Вскакиваю... действительно над нами и совсем низко стоит громадная колбаса, оказавшаяся Цепелином.

Без последствий, а у меня полный комплект снарядов. Что делать? Ведь если «колбаса» сбросит пару бомб и наши снаряды начнут взрываться...

— Винтовки! что было сил закричал я (2-й эшелон был вооружен какими-то устарелыми винтовками). — По колбасе! Огонь! И началась хаотическая пальба.. Ставили ли прицелы — вряд ли — просто с воодушевлением палили.

Колбаса медленно развернулась и начала уходить. Ура-а-а-а и все мы в диком азарте, стреляя на ходу, бежали за уходившим врагом, пска он не прибавил ходу.

Неужели наши шальные пули заставили его уйти?

Через несколько дней 2-й эшелон присоединился к батарее. За эти дни нас никто не тревожил ни без последствий, ни с последствиями.

Счастье!

А. фон Корвин-Вирзбицкий

Еще о русских военных оркестрах и маршах

В дополнение очень интересной и содержательной статьи П. Волошина «Русские военные оркестры» хотелось бы прибавить еще некоторые факты.

Само название хоров трубачей происходило оттого, что по штатам кавалерийских полков оркестров не полагалось и, как выход из этого положения, создавали, так сказать в частном порядке, духовые оркестры из трубачей-сигналистов, приобретая инструменты и оплачивая неизбежных вольнонаемных музыкантов из полковых хозяйственных сумм, зачастую солидно поддерживаемых офицерскими взносами. Хоры трубачей, как правило, сводились из расчета трех трубачей на эскадрон плюс трубачи штаба полка, что составляло 19-22 человека со штаб-трубачем. Выделялись они из эскадронов в нештатную трубаческую команду на серых лошадях, подчиненную полковому адъютанту. В этой же команде под руководством штаб-трубача способные новобранцы, примерно по 2 на эскадрон, обучались сигналам и отправлялись обратно сигнаристами в эскадроны, что, собственно, давало почти двойной комплект трубачей. Помнится, что во время войны за плечами каждого трубача в хоре висела еще и сигнальная труба, но может быть было это только в Белорусском гусарском полку, имевшем за отличия 22 георгиевских и 22 серебряных трубы. «Серебряные» трубы были из латуни, скорее никелированной, чем посеребренной, но, по мнению знатоков звук их был грубее, чем у труб из тонкой меди, которые кстати сказать, стоили значительно дороже. Положительной же стороной латунных труб была их твердость, — они не так мялись, как медные, что в конном строю являлось постоянной тревожной заботой штаб-трубача и адъютанта. Чистить их было тоже легче и проще. Жалованные же трубы из низкопробного литого серебра для игры не годились. Георгиевские ленты сигнальных труб по обычаю одевались и на трубы оркестровые. Обыкновенно в полках штаб-трубач играл на корнет-а-пистоне, но бывали исключения, так например, во время войны штаб-трубач Белорусского гусарского полка играл на басу (туба, не геликон). Вообще же особенностью Белорусских трубачей было то, что хор был настроен несколько выше, не помню уже на четверть ли или на восьмую нормального тона. Из-за этого хор не мог принимать участия в сборных выступлениях военных оркестров Варшавского Военного округа. Удивительно было то, что наших трубачей можно было безошибочно узнать

издали по их высокому тону, несмотря на, казалось бы, очень малую разницу его повышения. В то время мы этим очень гордились. Корнетисты и игравшие на «трубах» имели также фанфары с подвесками из вышитого серебром тяжелого шелка, белого с одной стороны и голубого с другой с вензелями обоих Императоров. Марш «Фэрбеллинер», по нашему фанфарный, исполнялся ими очень эффектно.

Как было уже указано в выше приведенной статье П. Волошина, оркестры пехотных полков были и многочисленны и прекрасно составлены, да зачастую, в полках было и по несколько оркестров. Так например, однажды в Варшаве на балу Суворовского кад. корпуса в одном зале играл струнный (т. е. скрипично-деревянный, а в другом духовой (медный) оркестры л. гв. С. Петербургского полка. Если не ошибаюсь, тот-же полк имел и прекрасный хор балалаечников. Вспоминается фамилия Ружек, капельмейстера л. гв. Конного полка, получившего со своими трубачами всероссийскую известность своими грамофонными пластинками, затем фамилия Плацатка, капельмейстера л. гв. Конной Артиллерии, впоследствии, уже в начале гражданской войны, поставившего на солидную основу хор трубачей л. гв. Казачьего полка. Приходит в голову, что многие из наших старых капельмейстеров были чехи по происхождению и, даже годы спустя, в Югославии капельмейстер Королевской гвардии носил скромную фамилию Покорный.

Думается, что, кроме наделения полков маршами, в административном порядке «сверху», играли роль иногда и другие причины. Иногда инициатива исходила от монархов-шефов, как например, по преданию от Импер. Николая I для Его кирасир, или от Импер. Александра II для Лейб-казаков. Иногда же офицеры выбирали мелодию и давали ее аранжировать, как например, темы из «Белой Дамы» у Кавалергардов или «Нормы» у Лейб-улан. Нередко бывало, что назначенный из гвардии командир привозил с собой свой марш в армейский полк, как это, по слухам, случилось с Лейб-гусарским маршем, принятым Сумскими гусарами, а, вероятно, и Митавскими. Новосформированные полки зачастую принимали марш одного из полков, пославших свои эскадроны на формирование нового полка.

Интересно утверждение П. Волошина о преобладающем количестве французских маршей. Казалось бы, что немецкие больше бы подходили к темпу нашего шага, тогда как французы всегда торопятся. Помнится что полки гвардии

в Варшаве часто играли немецкие марши, а некоторые из них, как например Хохенфридбергер, приняла встречным маршем л. гв. Конная Артиллерия. Жаль, что самый красивый из немецких маршей, Баденвейлер, не был использован в качестве полкового марша ни одной русской частью.

Не все марши были музыкально выдающимися, но ими полки гордились, как чем-то своим собственным. Автор стаи пишет, что Лейб-казакам следовало бы иметь марш, отражающий напевы Дона. Но встречный марш не может быть грустно-минорным, а Донские песни, за немногими исключениями, именно минорны и тягучи, как бы представляя широту и приволье Донских степей. «Свадебный» же марш, кроме его исторической для нас важности, имеет легко запоминаемую мелодию и возбуждает чувства торжественности и бодрости, необходи-

мые для встречного марша.

Хаотический характер маршей доказывает только их оригинальность и внезапность появления, отсутствие системы отражает самую жизнь.

Судя по доходящим до нас грамофонным записям, военная музыка в Советском Союзе поставлена на должную высоту, есть чисто «медные» оркестры, есть смешанные, где барабаны и тарелки не бьют так оглушительно и беспощадно по барабанным перепонкам уха, как это принято за границей, как бы для прикрытия возможных ошибок других инструментов. Среди капельмейстеров следует упомянуть имена И. В. Петрова и Г. Николаева, управляющих военными оркестрами частей, названия которых, конечно, держатся в секрете.

Г. Гринев

Хроника «Военной Были»

БАЛ НА АНГЛИЙСКОЙ ЭСКАДРЕ

Весна 1914 года. Ничто, как будто, не предвещало тех событий, что развернулись так скоро и, в корне, перевернули жизнь всего мира. Закончилась зима. Молодые солдаты поставлены в строй. Блестяще сошел экзамен Учебной Команды, на котором ее начальник штабс-ротмистр князь Эристов, на своем «Манкетнике» и я, его помощник, на «Катавассии», носились по лугам, через заборы и речки, во главе 60 наших лихих лейб-улан, ставших к войне прекрасными унтер-офицерами, и полк приступил к эскадронным ученьям.

В эти дни, в Кронштадт пришла английская крейсерская эскадра, под командой адмирала Битти, вскоре стяжавшего себе славу в Ютландском бою. Наш незабвенный командир полка князь С. К. Белосельский-Белозерский пригласил человек 10-15 английских офицеров на завтрак. № 3-й эскадрон вышел на эскадронное ученье, и несколько англичан, достаточно к этому моменту «уставших», стали проситься «посмотреть». Им привели, поседланных английскими седлами, коней, и надо было видеть эту картину.

По громадному Кадетскому плацу несутся рыжие кони, а на них в белых штанах фигуры, все-же крепко сидящих, моряков. Все обошлось благополучно, вернулись в Собрание, и до позднего вечера продолжалось веселье.

Через несколько дней, англичане дали бал

на своих кораблях и пригласили всех наших офицеров. Все, конечно, не поехали, но человек 12 молодежи собрались, в летней парадной форме: зимняя фуражка, шарф, сабля, этишкет, перевязь с лядункой. В частности, ген. майор барон Стааль, наш бывший улан, пригласил меня, бар. Каульбарса и Вуича сопровождать его дочку, ее подружку, Фрейлину Государыни Императрицы Гриппенберг но и их «патроншу-англичанку» (так тогда полагалось). За нами был послан катер «Бурун», и бесконечно веселые понеслись мы по волнам из Петергофа в Кронштадт.

Два корабля «Лайон» и «Нью-Зиланд» были поставлены рядом, и их соединенные палубы образовали громадный зал. Вокруг были устроены уютные гостиные, под грозными пушками — чудные уголки для флирта. Буфет был претонный, все петербургское общество было налицо, и веселье длилось до утра. Сколько воспоминаний осталось в молодых сердцах! Часов в пять, на том-же катере, вернулись мы в Петергоф, и едва я успел скинуть принадлежностей парадной формы, одеть походную аммуницию и защитную фуражку, как мой верный «рехмет» (так звали в полку вестовых, очевидно от слова «рейдкнехт») привел мне коня, на эскадронное ученье.

Через два часа, возвращаясь с плаца, пыльный и усталый, я чуть не свалился с седла от удивления и восторга: передо мною, по бульвару Эйлер, шли наши очаровательные барышни

пешком, в бальных платьях, но без гувернантки. Оказалось, что, под впечатлением чудного бала, они не могли решиться лечь спать и пошли пешком на Бабигоны (красивое место километра 2-3 от Петергофа), переживая минущую незабвенную ночь.

Кто мог подумать, что через несколько месяцев два этих корабля погибнут а мы, покинув Новый Петергоф, никогда туда не вернемся.

А. П.

«СЕРЕБРЯНЫЕ КИРАСЫ»

В 1798 году, во время стоянки Лейб-Кирасирского Ее Величества полка в Петербурге, после неоднократных отличных учений и эволюций полка, Император Павел I пожаловал оному 230 серебряных кирас, из коих, 11 было офицерских. Подтверждение получения столь необгкновенной награды мы находим в приказе Великого Князя Константина Павловича от 24 ноября 1801 года за № 3182, который гласит: «Серебряные 230 кирас, числящиеся в Лейб-Кирасирском Ее Императорского Величества полку, как пожалованы Его Императорским Величеством, так и должны оставаться НАВСЕГДА при оном-же полку, которые и употреблять в почетные караулы. Подлинный подписал генерал-лейтенант Боур за № 651 17 дня 1801 года».

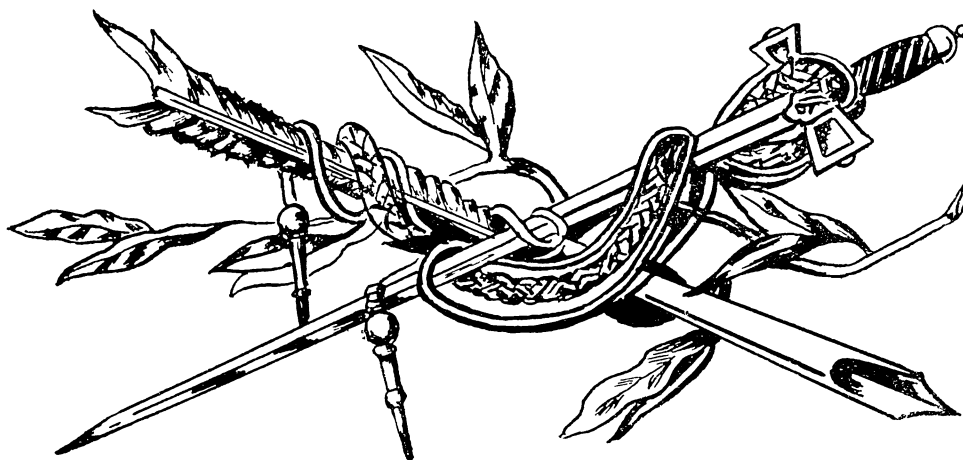
Дальнейшая судьба эти, «НАВСЕГДА», хранимых в полку серебряных кирас следующая. Полк, с 1798 по 1816 гг., был почти непрерывно

в походах и принужден был эти кирасы, составлявшие собою значительный капитал, или сдавать в учреждения гражданского ведомства или-же возить с собою, тщательно их оберегая, как, например, в 1805 году. Вследствии этих соображений или каких либо других, а также, так как серебро этих кирас составляло «мертвый капитал», Император Александр Павлович, по докладу Цесаревича Константина Павловича, соблаговолил приказать обратить эти кирасы в деньги, на пользу полка, как видно из приказа по полку от 24 февраля 1811 года, пункт 6: «Государь Император, через Инспектора всей кавалерии, Его Императорского Высочества Государя Цесаревича, повелеть соизволил: состоящие в сем полку кирасы, в серебре обделанные, обратить в пользу полка, и из состоящего на оных серебра составить офицерскую сумму, а самые кирасы сдать в Комиссариатское ведомство, о каковой Монаршей милости полку даю знать».

Во исполнение этой Высочайшей воли, кирасы сданы в Смоленскую комиссариатскую комиссию, а серебро, которого снято с кирас 10 п. 1 ф. и 15 зол., да с гвоздей и чешуй — 27 ф. и 61 зол., продано за 13592 р. 86 1/4 коп. ассигн. Деньги эти, согласно повелению Цесаревича от 9 мая за № 2664, причислены в офицерский капитал.

Увы, судьба неумолима и серебряные кирасы, пожалованные Императором Павлом «навсегда», превратились в «презренный металл».

Сообщил **И. Рубец**

Материалы к библиографии Русской Военной печати за рубежом

(Продолжение)

- «БЮЛЛЕТЕНИ ОБ-ВА Морских офицеров в Нью-Йорке» под ред. Ю. К. Дворжицкого, с марта 1943 г.
- «БЮЛЛЕТЕНЬ ОБЪЕДИНЕНИЯ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ МОСКОВСКОГО ПОЛКА». — Париж до 1931 года вышло 120 номеров.
- «БЮЛЛЕТЕНЬ ОБЪЕДИНЕНИЯ СУМСКИХ ГУСАР» — 1939 г. №№ 1-3.
- «БЮЛЛЕТЕНЬ СОЮЗА ДОНСКИХ ПАРТИЗАН ЧЕРНЕЦОВЦЕВ» — редакция Париж 1932-1939 года.
- «ВЕСЕЛЫЕ БОМБЫ». Газета Дроздовского Артиллерийского Дивизиона. Галиполи 1921 г. (п. м.).
- «ВЕСТНИК КОННО-ГВАРДЕЙСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ». Выходит раз в год, на ротаторе. Цель издания — поддержание связи между конно-гвардейцами. № 1 вышел в марте 1953 года на 12 стр. Выходит в количестве 90 экзempl. Редактор ротмистр А. П. Тучков.
- «ВЕСТНИК СОВЕТА РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖНОГО ВОИНСТВА». Редактор полковник С. Н. Ряснянский. 32 стр. Вышли №№ 1-3.
- «ВЕСТНИК» — военно-национальная газета под ред. А. А. Геринга. Орган связи Обще-Кадетского Объединения за рубежом. Первый номер вышел на ротаторе в издании Обще-Кадетского Объединения во Франции 24 декабря 1950 года. С 1 января 1957 года перешел на типографское издание.
- «ВЕСТНИК КАВАЛЕРГАРДСКОЙ СЕМЬИ», ежегодное издание под редакцией В. Н. Звегинцова. Начат печатанием в 1938 году. На ротаторе.
- «ВЕСТНИК ОБ-ВА РУССКИХ ВЕТЕРАНОВ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ». № 1 этого журнала вышел в мае 1926 г. на 14 стр. юбилейный номер по случаю 35-летия Общества вышел 26 мая 1959 года № 214 на 60 стр. Издается на ротаторе. В среднем 30-40 стр. Содержание исключительно военное, кроме хроники Общества. Составляется полковником Б. Н. Сергеевским «Указатель имен, географических названий и строевых частей и штабов, упомянутых в последних тридцати номерах «Вестника».
- «ВЕСТНИК ВОЕННЫХ ЗНАНИЙ» выходил в Сараево (Югославия) с 1921 года тетрадями в 32 стр. под ред. полк. Ген. Штаба К. К. Шмигельского.
- «ВЕСТНИК ПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА ГАЛЛИПОЛИЙЦЕВ». Белград №№ 1-31, с декабря 1923 года.
- «ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА». Издание Калифорнийского Отдела Общества участников 1-го Кубанского похода. Изд. «Военный Меч». Лос-Анжелос, Калифорния, 16 стр. на ротаторе.
- «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» — военно-исторический литературный, иллюстрированный журнал. Издание Обще-Кадетского Объединения во Франции. № 1 вышел 1 апреля 1952 года. Первые семь номеров вышли на ротаторе. С 1 января 1954 года перешел на типографский способ. Первоначально выходил 4 раза в год. В настоящее время — 6 раз в год. Редактор А. А. Геринг.
- ГАЛИЧ ЮРИЙ — (ген.-майор Гончаренко) — Императорские фазаны. Военные рассказы. 186 стр. изд. Рига.
- Гусарские сказки рассказы из военной жизни. Изд. «Лукоморье», Рига 933 г. 158 стр.
- Синие кирасиры (Лейб-Регимент). Изд. «Филин». Рига 1936 г. 414 стр. с прилож. списка офицеров лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка.
- Волчий смех, рассказы из военной жизни. Рига 929 г. 218 стр.
- Красный хоровод. Изд. Рига 1929 г. в двух томах, 203 и 182 стр.
- ГУТМАН А. Я. (Анатолий Ган) — Гибель Николаевска на Амуре. Страницы из истории гражданской войны на Дальнем Востоке. Берлин 924 г. — 298 стр.
- ДАВАТЦ В. профессор — Годы. Очерки пятилетней борьбы. Изд. Белград 926 г. 237 стр. и оглавление. Список знамен, находящихся в Белградской церкви. Иллюстрации.
- ДОБРЫНИН Ген. Штаба полковник — Книга о Доне и на Дону 1918-20. Изд. «Русская книга» 1921 г. № 6, Берлин.
- «ЕГЕРСКИЙ ВЕСТНИК». Изд. Белград под ред. генер. Буковского. Вышло по 1939 год — 14 номеров.
- «ОСВЕДОМИТЕЛЬ ЛЕЙБ-ЕГЕРЕЙ». Изд. Париж, между двумя войнами вышло около 40 номеров. После второй войны выходит в количестве 50 экзempl. на ротаторе в 25-32 стр. Редактор В. А. Каменский.
- «ЛЕЙБ-ЕГЕРЯ В ВОЙНУ 1914-1918 гг.». 60 экзempl. на ротаторе. Всего 264 стр. и свыше 70 схем, раскрашенных от руки. 5 листов фотографий.
- ЕЛАТОМЦЕВ — Обще-казачий журнал. Литературный, исторический и информационный. Вышло в Нью-Йорке до 20 номеров.
- ЕЛИСЕЕВ Федор Иванович, полковник. —

- История Кубанского Войскового Гимна. Первое изд. — Париж 1930 г. — 28 стр., второе издание — Нью-Йорк 1950 г. — 24 стр.
- Генерал Эльмурза Асламбекович Мистулов Командир 1 Кавказского полка 1916-1917 и Командующий Терскими казаками осенью 1918 г. Нью-Йорк 1953 г. 14 стр.
 - На берегах Кубани. Нью-Йорк, 1955 г., 68 стр.
 - В Храм Войсковой Славы. Казачьи полки на турецком фронте 1914-1917 г.г. Донского, Кубанского, Терского, Оренбургского, Сибирского и Забайкальского войск, с указанием названий строевых частей, начальников и судьба многих из них. Нью-Йорк, 1956 г., 313 стр.
 - На берегах Кубани и партизан Шкуро. Нью-Йорк, 1955 г., 52 стр.
 - Наш полк в месяцы революции 1917-1918 г. (продолж. «В Храм Войсковой Славы»). Нью-Йорк 1961 г., 156 стр.
 - Рейд сотника Гамалия в Месопотамию. Нью-Йорк, 1957 г., 10 стр.
 - С Корниловским Конным полком в 1918-19 г.г. Нью-Йорк, 1962 г., 210 стр.
 - С Хоперцами от Воронежа до Кубани. Нью-Йорк, 1962 г., 210 стр.
 - Лабинцы и последние дни на Кубани. Нью-Йорк, 1962 г., 38 стр., со схем. и фотографией. На ротаторе.
- ЖОЛТЕНКО, полковник (б. командир 56 пех. Житомирского полка в мирное время и на войне). — Простодушные. Повести и рассказы из военной жизни. Изд. Зайцева, Харбин, год не указан. 176 стр.
- Улыбки из жизни. Повести и рассказы из военной жизни мирного времени. Тип. Словения, г. Любляны, 1935 г., 240 стр.
- «ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ ОБЪЕДИНЕНИЯ ЛЕЙБ-КАЗАКОВ» — № 1 — с октября 1960 г. по октябрь 1961 г.
- «ИНФОРМАЦИОННЫЕ ЛИСТЫ». Изд. Главного Правления Союза участников Первого Кубанского похода. Под ред. Ген. Шт. полк. Николаева. Белград, 1924-1941 гг.
- «ИНФОРМАЦИОННЫЕ ЛИСТЫ». Изд. Правления Отдела в Австрии, под ред. Ген. Шт. полк. К. Н. Николаева, г. Виллах 1948-1962 гг.
- «КАЗАЧЕСТВО» — Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Париж, 1928 г., 379 стр.
- «КАЗАК НА ЧУЖБИНЕ» — Журнал изд. Казачьей студенческой станицы в Брно (Чехословакия), 1923 г.
- В. Г. КАЗАКОВ — Немые свидетели. Под ред. Ген. Шт. ген. лейт. Г. И. Клерже. Иллюстр. мичмана А. С. Шеринова. Изд. Шанхай, 1938 г., 120 стр. со мног. фотограф.
- П. КОМАРОВ — Год Порт-Артура, 1904-1924, 160 стр.
- «КРЕСТНЫЙ ПУТЬ» — Журнал вышел № 4 в 44 стр. Ни место издания, ни редактор неизвестны. Обложка имеет надпись: Переход через Байкал 1920 г., 12-13 февраля 1928 г.
- Ф. КУБАНСКИЙ — На привольных степях кубанских. Изд. Нью-Йорк, 444 стр.
- Орлы земли родной. Изд. Нью-Йорк. 1960 г., 351 стр.
- Фон-ЛАМПЕ А. А. Ген. Шт. ген. майор — Орден Святителя Николая Чудотворца. Ревель 1936-37 г.г.
- Главнокомандующий Русской Армией генерал барон П. Н. Врангель. К десятилетию его кончины. 12/25 апреля 1938 г. Сборник под редакцией А. А. фон-Лампе.
- «НА РУБЕЖЕ» — Журнал 60 номеров 1948 г. под ред. В. М. Маркевича и К. Н. Николаева. Лагерь Келлерберг, Австрия.
- Б. А. НИКОЛАЕВ — Е.И.В. Генерал-фельдцейхмейстер Великий Князь Михаил Николаевич. К 50-летию со дня его кончины. 5 декабря 1909 года. Брошюра в 20 стр. на пишущей машинке. Не издана.
- К. Н. НИКОЛАЕВ — Генерал Корнилов. Изд. Родит. Комитета Русской гимназии в лагере Келлерберг.
- Генерал Алексеев. Изд. участников Первого похода. Австрия, 1948 год.
 - «Первые добровольцы», статья в № 12 журнала «Казак» 15 мая 1949 г. Мемминген, Германия.
- П. В. ПАШКОВ — Ордена и знаки отличия Гражданской Войны 1917-1922 годов. Военно-Историческая Библиотека «Военной Были». № 1. Отпечатано 250 нумерованных экземпляров и десять на бумаге «люкс» в продажу не поступивших. Париж 1961 г., 32 стр., больш. форм. 37 рис. С. Г. Лучанинова и В. П. Ягелло. Фотогр. М. Л. Бродского.
- «ПЕРВОПОХОДНИК» — Газета под ред. А. Комаровского. Изд. Главного Правления участников Первого Кубанского похода. № 1 — Белград 9/12 февраля 1928 г. № 2 — Белград 9/22 февраля 1938 г., под ред. В. М. Пронина, № 3 9/22 февраля 1939 г. под ред. В. М. Пронина.
- «ПОД БЕЛЫМ КРЕСТОМ» — Журнал. Орган связи бывших чинов Русского Охранного Корпуса. № 1 — 51 стр. №№ 2 и 3 по 17 стр. Изд. Буэнос-Айрес.

(Продолжение следует)

Алексей Геринг

Принимается подписка на 1963 год на ежемесячную военно-национальную газету

« ВЕСТНИК »

Издание Обще-Кадетского Объединения под редакцией А. А. Геринга

Тринадцатый год издания

Подписка принимается по адресу редакции: 61, рю Шардон-Лагаш, Париж 16 а также у всех преставителей «ВОЕННОЙ БЫЛИ» и «ВЕСТНИКА».

Подписная цена с пересылкой на год: 7 нов. фр. в странах заокеанских — 2 дол. 40 ц.

Почтовый Счет «Le Passé Militaire» 3910 - 12 Париж

Журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» можно получить:

Париж — в Конторе журнала — 61, rue Chardon-Lagache, Paris 16 и в русских книжных магазинах.

Брюссель — у И. Н. Звездкина — 1, Chemin Ducal, Tervuren.

Лондон — а) у В. В. Барачевского — 23, Alder Grove, London N. W. 2, б) у Д. К. Краснопольского — 19, Warwick Road, London S. W. 5.

Германия — у И. Н. Горяйнова — Hamburg-Postamt 33, Deutschland. Postlagernd.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bredgade 53, Copenhagen.

Италия — у В. Н. Дюкина — Via Nimorense 86, Roma.

Сев. Ам. С. Ш. — а) в Обще-Кадетском Объединении у В. А. Высоцкого, 410, Riverside Drive Ap. 103 A. New-York 25. б) в Обще-Кадетском Объединении у Г. А. Куторга — 272, 2 Avenue San-Francisco 18, в) у С. А. Кашкина — P.O. Box 68, Bellerose 26, L. I., N. Y.

Канада — у Б. Л. Орешкевича, 167, Chisholm Ave Toronto 13, Ont.

Австралия — а) у В. Ю. Степанова, 57, rue Bruce, Stanmor (N.S.W.); б) у Н. А. Косач, 16, Valmai Ave. King's Park, Adelaide, South Australia.

Венецуэла — у К. А. Келльнера — 24, av. Sarria, Caracas.

Аргентина — у Г. Бордокова, Zapiola 4192 Buenos - Aires, Argentina.

Литературно-политические тетради

« ВОЗРОЖДЕНИЕ »

Независимый орган национальной мысли.

37-й год издания.

Адрес редакции:

73, Avenue des Champs Elysées, Paris 8°.

« МОРСКИЕ ЗАПИСКИ »

под ред. стар. лейт. барона Г. Н. ТАУБЕ.

Вышел и разослан подписчикам № 3/4(57)
т. XX 1962 г.

Подписная цена — 3 дол. в год.

Представитель на Францию:

В. И. Яковлев, 5 bis, rue de Tourville,
St. Germain en Laye (S. et O.)

РУССКИЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

Г. А. ДЖУДЖИЕВА

« LE MAGASIN DU LIVRE »

10, rue des Carmes, Paris 5me

ПРОДАЕТ НАШИ ЖУРНАЛЫ И ПРИ-
НИМАЕТ ПОДПИСКУ НА ВСЕ ИЗДА-
НИЯ «ВОЕННОЙ БЫЛИ»

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ

**СБОРНИК ПАМЯТИ
ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА
ПОЭТА К. Р.**

ИЗДАНИЕ СОВЕТА ОБЩЕ-КАДЕТСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ.

Продается в Конторе Издательства 61, рю Шардон-Лагаш, Париж 16.

Цена — 21 нов. фр., страны заокеанские — 5 амер. долл.

**НА СКЛАДЕ ИМЕЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ
КНИГИ, ДОХОД ОТ ПРОДАЖИ КОТОРЫХ
ИДЕТ В ПОЛЬЗУ ИЗДАТЕЛЬСТВА.**

История лейб-гвардии Конного полка —
300 нов. фр.

К. С. ПОПОВ — Лейб-Эриванцы в Великой
войне — 25 нов. фр.

А. Л. МАРКОВ — Кадеты и юнкера —
20 нов. фр.

М. КАРАТЕЕВ — Карач-Мурза —
15 нов. фр.

Генерал А. А. фон-ЛАМПЕ — Пути верных
16 нов. фр.

Контр-адмирал ТИМИРЕВ — Воспоминания
морского офицера — 15 нов. фр.

Генерал-майор А. И. СПИРИДОВИЧ — Ве-
ликая война и февральская революция,
в 3-х томах — 90 нов. фр.

ЕВГЕНИЙ МОЛЛО — Русское холодное
оружие XX века — 2 н. фр.

Г. И. ИШЕВСКИЙ — Честь — 8 нов. фр.

И. А. ПОЛЯКОВ — Донские казаки в борь-
бе с большевизмом — 22 н. фр. 50 с.

П. В. ПАШКОВ — Ордена и знаки отличия
гражданской войны — 6 нов. фр.

ЮРИЙ СЛЕЗКИН — Две семьи —
5 нов. фр.

БУЛГАКОВ — Русский и герм. воен. мир о
творчестве К. С. Попова — 4 нов. фр.

Б. М. КУЗНЕЦОВ — 1918 г. в Дагестане —
8 нов. фр. 50 сант.

Б. М. КУЗНЕЦОВ — В угоду Сталину, том
II — 11 нов. фр. 50 сант.

ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ

В. В. Звегинцов

**Хронология Русской армии
1700-1917 часть II**

Хронологические указатели всех пехот-
ных, кавалерийских и казачьих частей, в
порядке основания их, с названиями ко-
торые часть, последовательно, носила и
ее судьбой.

Тетрадь 25 x 32 сантим. 174 стр. на ро-
таторе. Цена с пересылкой — 42 нов. фр.
или 8 ам. дол. 50 ц.

Имеется еще некоторое количество эк-
земпляров части I — формирование, пере-
именование и расформирование всех ча-
стей Русской Армии, расположенные по
царствованиям и родам оружия. Тетрадь
25 x 32 сантим. 240 стр. та-же цена.

Формы Русской армии 1914 г. тетрадь
— 132 стр. текста и 120 таблиц для рас-
крашивания. Цена тетради и таблиц —
110 нов. фр. или 23 америк. дол.